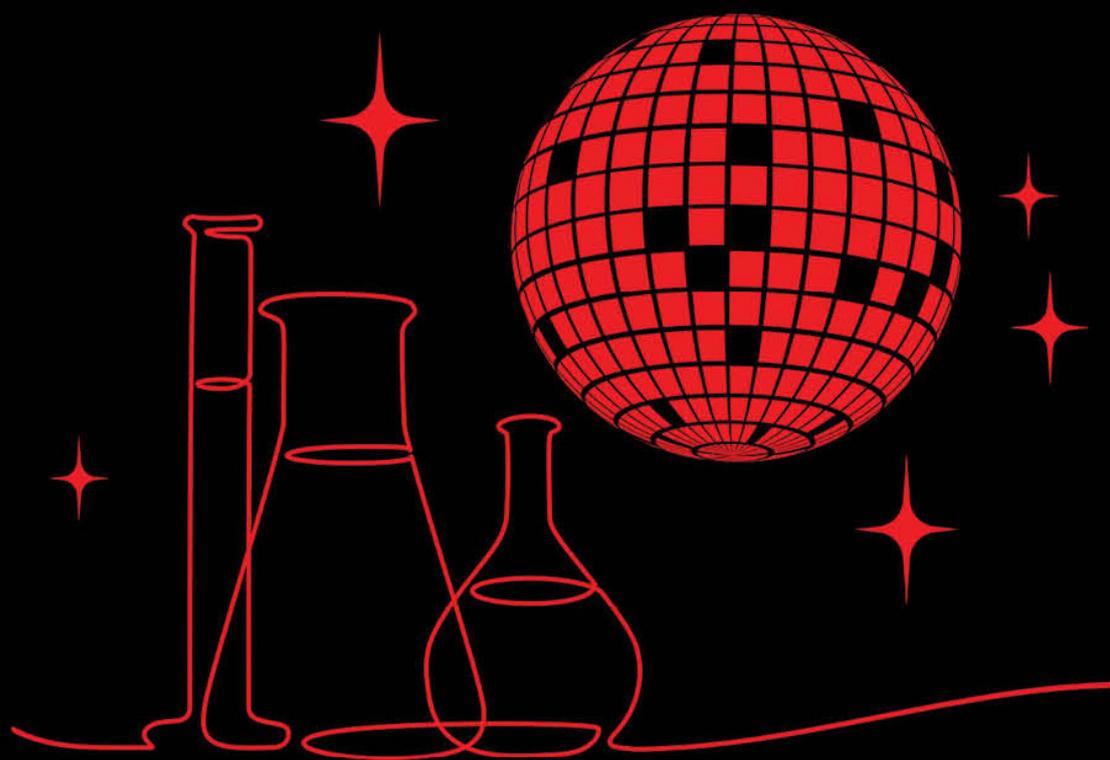

ТАТЬЯНА
ТОЛСТАЯ
РЕКОМЕНДУЕТ

МАРИЯ ДОЛОНЬ

#в_чёрном_
теле

Татьяна Толстая рекомендует. Новый детектив

Мария Долонь

#в_чёрном_теле

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Долонь М.

#в_чёрном_теле / М. Долонь — «Эксмо», 2018 — (Татьяна Толстая рекомендует. Новый детектив)

ISBN 978-5-04-098921-8

Могла ли Инга Белова вообразить, что случайная находка – женская голова в канализационном люке – не просто сведет ее со старыми знакомыми из журналистского прошлого, но и приведет к одному из самых страшных дел в практике? Прошлое и настоящее, реальность и Сеть – все сплелось в клубок, который предстоит распутать той, что видит истинный цвет слов. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098921-8

© Долонь М., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Долонь

#в_чёрном_теле

Глава 1

– Что значит недотруп? Степаныч, ты нормальный вообще? – Сзади завывла сирена. Кирилл перекинул телефон в другую руку, включил правый поворотник, втиснулся между машинами. Мимо промчалась «Скорая». Он попытался вернуться в левый ряд, не вышло. – Да еду я, еду! – Заскребли дворники, бурая жижа полетела по сторонам. Кирилл болезненно скривился. – Выспаться, гады, не дали.

Включил радио. Но вместо музыки по салону разнёсся старушечий скрипучий голос.

«– ...хорошенько – ты, наверно, устал. Ведь человеческие головы – нелёгкая ноша.

– Что вы болтаете! – закричал Якоб. – Устать-то я и вправду устал, но я нёс не головы, а кочаны капусты. Вы купили их у моей матери.

– Это ты неверно говоришь, – сказала старуха и засмеялась.

И, раскрыв корзинку, она вытащила из неё за волосы человеческую голову»¹.

– Ничего себе детское радио! – Кирилл крутанул колесо настройки. – И это, блин, слушает Вика.

На месте уже работала дежурная группа. Он вылез из машины и, переступая натянутые верёвки, подошёл к офисному зданию. Плитка перед входом была разворочена. Под козырьком зиял чернотой открытый люк колодца. Поодаль на корточках сидели таджики в оранжевых жилетах, в сторону полицейских старались не смотреть. Рядом переминался с ноги на ногу прораб – в кожаной куртке, отглаженных джинсах и остроносых ботинках. К стене прислонился молодой парень в худи с капюшоном, из-под которого была видна модная щетина. Чёрные штаны на нём сидели мешком, всё вкривь и вкось, сразу видно – работа хорошего дизайнера. Хипстер (как сразу прозвал его Кирилл) увлечённо читал с телефона. Недалеко от люка над чёрным пластиковым мешком склонилась полная женщина в длинном сером плаще. Очки съезжали ей на кончик носа, и она наработанным движением возвращала их на место, а заодно заправляла за ухо мокрую прядь.

Всю картину Кирилл охватил одним профессиональным взглядом, автоматически запоминая детали. Мешок для трупов был пуст. Прямо на нём лежало круглое и рыхлое, напоминающее гнилой кочан капусты.

– Привет, Холодильник! – Кирилл хлопнул женщину по плечу. – Что тут у нас?

– И тебе с добрым утром. – Судмедэксперт Женя Холодивкер разогнулась, разминая шею.

– Картина маслом «Приплыли»! – хохотнул сзади Худяков, дежурный опер, который вызвал Кирилла. – Грязные тайны московской канализации.

– Уймись, Степаныч, – поморщилась Женя. Из раскрытого мешка на Кирилла смотрел мёртвый глаз. – У нас тут голова.

– Начало хорошее, многообещающее. – Под ложечкой заныло, Архаров за версту чуял глухие дела. – Остальное где?

– Остального нету.

– Ладно, тогда рассказывай, что есть.

– Судя по стадии мацерации² при такой температуре, она пролежала в канализации около месяца. Может, недели три. Через день-другой скажу точнее. По идее, ткани должна была пол-

¹ Вильгельм Гауф. «Карлик Нос».

² Мацерация – разъединение растительных или животных клеток в тканях, результат растворения межклеточного веще-

ностью разесть бытовая химия, глаза и нос – сожрать крысы, а тут смотри-ка, даже волосы частично остались.

– А эти точки на черепе? – спросил Кирилл.

– Волосяные воронки. В воде кожа стала рыхлой, поэтому они теперь хорошо видны, – сказала Холодивкер. – Было бы теплее, наша девушка давно бы полностью облысела. Холод её спас.

– Спас, говоришь? – Сзади нависал Худяков.

– Записывай лучше, – сказал Кирилл. – Так это женщина? Уверена?

– Форма черепа, строение челюсти, ушей. – Холодивкер запахнулась в плащ. – Тут есть какая-нибудь забегаловка? Позавтракать не успела.

– А это что? – Кирилл показал на мочку правого уха.

– Какая-то цапка, – ответила Женя. – Серёжка в форме буквы «Е».

– Инициалы?

– Ага. «Заветный вензель».

– А камушки-то, похоже, брюлики. Не ограбление, стало быть.

– Обрати внимание. – Холодивкер осторожно перевернула голову, ткнула ей под подбородок. – Срез рваный, как будто пилили тупой пилой.

Кирилл опустил на корточки:

– Я бы даже сказал, что сначала пилили, потом устали и голову от туловища оторвали. –

Он встал. – Курнуть бы сейчас.

– Ты же бросил, а я, пожалуй, закурю. Аппетит отбивает. – Холодивкер затянулась. – Слышно что-нибудь от Инги?

– Вроде буквально на днях должны с моря вернуться. – Кирилл втянул дым от сигареты Холодивкер. – Думаешь, порадовать её расчленённой? В её практике такого ещё не было.

– Эй, на суше! – Из люка высунулся мрачный Потапов. – Ничего больше нет, кроме хлама. Ни рук, ни ног, ни тулова. Здорово, Архаров. – Кирилл подал ему руку, помог вылезти.

– Хорошо проверил?

– Не веришь, сам лезь. – Потапов отряхивал брюки.

– Я закончила. – Женя стягивала резиновые перчатки. – А вот и перевозка. Ребята, сюда! Из машины вышли двое мужчин, открыли кузов, начали выгружать носилки.

– Что грузим? – спросил один из них.

– Да вот. – Женя показала на мешок. – Носилки, похоже, порожняком пойдут.

– Не богато у вас, – заметил санитар постарше.

– Не слушай её. Носилки давай. – Молодой старался не смотреть на голову. – Я это в руках не понесу.

– Степаныч, по твоей части что? – Кирилл обернулся к Худякову.

– Готово! – Тот убирал бумаги. – Запротоколировано и снято. Тебя вон инженер ждёт с разъяснениями.

– Голову он обнаружил? – спросил Кирилл.

Худяков оторвался от протокола, отрицательно мотнул головой, показал на таджиков.

– Амон, сюда иди! – крикнул он прорабу.

– Можно лучше вы сюда, уважаемый? – Амон не сдвинулся с места.

– Амон, камон, не выдрючивайся!

Кирилл чертыхнулся, поднял воротник. Кончался апрель, но было по-зимнему холодно и промозгло. Он махнул Амону, и они подошли к хипстеру в худи. Тот, наконец, оторвался от телефона.

– Илья, – протянул он руку. – Я тут как бы от проектной организации.

– Ну, тогда «как бы» рассказывай, Илья. – Кирилл одним плечом оперся о стену. Почувствовал холод камня.

– Мы по всей улице снимаем асфальт, меняем на плитку. По городской программе благоустройства. А тут косячок небольшой приключился. – Илья кивнул офисным работникам, прижавшимся изнутри к большому прямоугольному окну. Те, будто застуканные за непристойным занятием, отпрянули вглубь.

– И какой же, интересно?

– Новая плитка выше входа в здание легла, – невозмутимо продолжил Илья. – Мы, получается, этих товарищей замуровали. Не специально, конечно. Просто так вышло, дверь их открываться перестала.

– Даже так? А высотные отметки до начала работ пробить не пробовали? – уточнил Кирилл.

– Мы докладывали начальству, но кто нас слушает? – равнодушно ответил Илья. – Приехал владелец здания. Мы ему говорим, надо дверь менять, поднять её как-то до уровня улицы...

– Он как кричал, – встрял Амон. – Так сильно кричал. Ругался очень. Эту дверь, говорил, всю жизнь работать будем. Нехорошо говорил.

– Подожди, Амон, – осадил его Илья. – Скандальный попался мужчина, ага. Другие, вон, по всей улице меняют, и ничего. Но не суть. Начали мы искать обходные пути. Тут вдоль улицы всего одна магистралька идёт...

– Магистралька? – переспросил Архаров.

– Магистральная ливневая канализация, – объяснил Илья. – То, что мы их замуровали, – эт ладно, тут же проблема в чём: будет вход в офис ниже улицы, они же в любой дождь до лифтов по холлу только вплавь смогут добираться, заливать первяк будет по самую макушку. Но этот же не понимает. Короче, я полез в этот колодец. – Они подошли к люку у проезжей части. Пахло сыростью и холодом. – Думаю: если там переходник есть, сделаем дренажный отвод, сверху грязесборкой прикроем, и будет чики-поки. – Илья поймал непонимающий взгляд Кирилла. – Ну, короче, и уровень сможем опустить, и вода в здание не прольётся Ниагарой. Так понятней?

– Ты придумал план, как угодить и нашим и вашим, – сказал Архаров.

– Вся надежда была на то, что там труба какая от древних времён осталась, – сказал Илья. – Смотрю, и truly есть. Так в центре это на постоянке: на геоподоснове одно, в реале – ещё туча труб тридцатых каких-нить годов, о которых никто ни слухом ни духом. Мы давай искать старый колодец. Сняли почти всю плитку – пусто. Дошли до двери – и вуаля! – Илья широким жестом показал на порог. – Люк. Мы его скovyрнули, Амона с фонарём вниз запустили... Оттуда он с воплем сразу и левитировал.

– Зачем обзываешь! И ничего не с воплем, – возразил Амон. – Так, испугался чуть-чуть. А ты бы не испугался, да? Лезу, свечу в воду, а она на меня смотрит!

Помолчали.

– Секундочку. – Кирилл подошёл к одному люку, потом к другому. – То есть, если бы не ваш косячок, голову никогда бы не нашли?

– Выходит, так, – кивнул Илья.

– А приплыла голова из этого колодца? – Кирилл ткнул пальцем в люк.

– Исключено. Как инженер говорю. Застряла бы в трубе, без вариантов.

– Что вы мне тут голову морочите? – вспылил Кирилл. – Приплыть не могла. Бросить её в колодец было невозможно. Тогда откуда она там взялась?

– Ты следак, ты и выясняй. – Илья щёлкнул телефоном, проверяя ватсап.

* * *

Они сидели на затёртой танкетке, привалившись к кафельной стене. Одной на вид было не больше двадцати пяти – нос немного картошкой, румянец во всю щёку, пухлые губы, глаза небольшие, невыразительные, ноль косметики. Вроде и симпатичная, но пройдёшь мимо и не заметишь. Возраст второй определить было сложно: ей могло быть и сорок пять, и за шестьдесят. Лицо в буграх, отёчное, под глазами такие мешки, что самих глаз почти не видно, хоть они были грубо очерчены чёрным карандашом. От губ вниз глубокие складки. Обе женщины в чёрном. У молодой на коленях лежала серая куртка, которую она беспрерывно мяла в руках, пожилая так и сидела в толстом пальто, кутаясь и ёрзая, как будто сильно мёрзла. Но в морге и правда тепло не бывает.

– А я тебе говорила, Лидк, плохо она кончит! Плохо! – Женщина повернулась всем корпусом к молодой. – Не слушала мать, и вот на тебе! И что теперь мне делать, старой, больной! Нет, ты скажи! – Лицо её перекошилось. – Что, пахну для тебя, чистенькой, неважнецки? А кто растил вас, кормил, по дворам да подворотням после уроков искал? – И неожиданно тихо и зловеще завывала: – Ой, боженьки мои! На кого ж ты меня покинула, дочушка ненаглядная!

– Перестаньте, Вера Ивановна! – Девушка сидела, отвернувшись от неё. – Может, это ещё и не она.

Кирилл наблюдал за ними из приоткрытой двери кабинета Холодивкер.

– Оперативно вы сработали, – сказала Женя за его спиной. Она сидела за компьютером, писала заключение. – Синенькая у нас кем будет?

Кирилл тихо закрыл дверь.

– Мать. Три недели назад, десятого апреля, написала заявление о пропаже дочери. Похоже, нашлось её чадо.

– Увы, фрагментарно. А родительница у нас запойная, – сказала Женя. – Судя по её виду, кадр заслуженный, двадцатилетней выдержки как минимум. Странно, что она вообще сунулась в полицию с заявлением.

– Да она не сама, пэпээсники доставили. Дочь её содержала. Раз в месяц привозила деньги. А тут – нет и нет.

– А трубы горят, ага.

– Дочка-то в люди выбилась, квартиру снимала в модном квартале на Патриарших. Соседи говорят, что мать сначала ломилась в её квартиру. Потом сутки сидела на лестнице, выла, людей пугала. «Скорая» её не брала, наркологи тоже без согласия клиента теперь даже в машину не сядут. Короче, соседи вызвали наряд, и к нам её, писать заявление о пропаже дочери.

– А вторая кто?

– Лидия Тихонова, школьная подруга пропавшей. Работает экскурсоводом, возит группы по Москве и Подмосковию. Эта, слава богу, адекватная. С её слов всё сходится. Да, и серёжки узнала, телефон ювелира дала. Они были сделаны на заказ, в одном экземпляре. Ювелир по фотке свою работу подтвердил. Пошлю к нему Потапова закреплять опознание.

– Особые приметы какие-нибудь есть?

– Мать вспомнила про родимое пятно в затылочной части.

Холодивкер кивнула:

– Есть такое.

– Осталось заключение от дантиста. Завтра жду. Ну мы, конечно, ещё для проформы посомневаемся, но так-то всё ясно: наша девушка.

– Ладно, Архаров, пойдём. – Холодивкер встала. – Вот тебе до кучи плоды моих трудов: туалет головы выполнила, даже небольшую реконструкцию провела, о чём имеется акт и судебно-медицинское заключение.

– Знаешь, мать, я себе на цепочку медальон повешу – группу крови, то-сё, отказ от реанимации, органы на донорство, а на обороте выбью золотом: желаю вскрытия только у Холодивкер Е. В. Ты же мне по знакомству сделаешь туалет в лучшем виде? Обещаешь?

– Если тебе голову оторвут, цепочка не поможет.

Кирилл засмеялся.

– Накопала что-нибудь?

– Там много странностей, Кирюша. – Женя покачала головой. – Её как будто три раза убили – сначала кислотой, потом ударом в висок и в конце концов отсекли голову. – Она посмотрела на Архарова. – Это же как надо было разозлить убийцу?

Они вышли в коридор. Лида, увидев Архарова и Холодивкер, встала. Вера Ивановна осеклась на полуслове, на лице стоп-кадром застыла гримаса.

– Вера Ивановна, Лидия Анатольевна, спасибо, что прибыли. Я должен вас предупредить, что зрелище не из приятных. Вы уверены, что готовы?

Кирилл в упор смотрел на молодую девушку. Лида аккуратно опустила на банкетку мятую куртку.

– Ой, солнышко ты моё, Галчонок маленький! – Вера Ивановна вскинула руки и стала заваливаться на сиденье. Казалось, сейчас начнётся истерика. Но она неожиданно метко толкнула Лиду в спину. – Ты иди, иди, нечего мне там делать, потом всё расскажешь. – Обернулась к Кириллу: – Не бойсь, начальник, подпишу всё, что положено.

И уставилась в стену.

Кирилл позвал понятых. Вера Ивановна так и не двинулась с места.

– Прошу вас, – с нажимом обратился к ней Архаров.

– Без пол-литры я на такое смотреть не подписывалась, – огрызнулась женщина.

Из прозекторской донёсся сдавленный вскрик. Когда Кирилл вошёл, Лида была бледнее кафеля. Отшатнувшись от него, она быстро выскочила в коридор. Архаров глянул на стол. Холодивкер постаралась на славу: вместо раскисшего одноглазого лица Кирилл увидел восковую накрашенную куклу, до шеи накрытую простыней, под которой была пустота.

Лида пришла в себя в кабинете Жени. Она прихлёбывала крепкий чай. Архаров не решился предложить ей пастилу и печенье.

– Галька такая красивая всегда была, – сказала Лида. – Сама про себя говорила «икона стиля». Господи, страшно-то... Вы теперь искать будете, кто такое мог...

– С какого класса вы учились вместе? – мягко спросил Кирилл.

Лида беззвучно плакала. Растирая слёзы по щекам, показала на пальцах – с третьего.

– Это, считай, всю жизнь вместе. Она какая была? Тихая? Заводила? Вспомните, может, обидела кого? Врагов себе нажила?

Девушка помотала головой.

– Галя, конечно, у нас резкая... – она вздохнула, – была. Что думала, то и говорила. Но чтобы враги... Нет.

– Парень у неё был? Муж гражданский?

– Был один, уже год. – Лида подняла на Кирилла глаза. – Тоже красивый. Я его один раз всего видела. Но вы его найдёте легко – на страничке у Гали сплошь его фотки. Ваня Безмернов.

– Она выставляла напоказ их отношения? – уточнил Кирилл.

– Не без того, – согласилась Лида.

– Серёжки эти, – Кирилл положил перед девушкой букровку Е, – не он, случайно, подарил?

– Нет, – Лида помотала головой и даже улыбнулась. – Это она сама себе заказала, когда придумала псевдоним. Она терпеть не могла своё настоящее имя – Галина Белобородько. Е – первая буква её нового имени, а G – в память о старом.

– Может быть, было что-то в прошлом у вашей подруги? – Кирилл помолчал. Лида не отвечала, выпрямилась, как будто собралась внутренне. – Что-то такое, что она могла бы скрывать от окружающих? Но вы, как давняя подруга, были в курсе. Или догадывались о чём-то? – Кирилл опять не дождался ответа. – Женщины чувствуют, если есть какая-то тайна, согласны?

– Нет, – ответила Лида. – Ничего такого я не знаю. – Она встала. Стул с неприятным скрипом отъехал назад. – Тяжело всё это! Можно я поеду? Если вспомню что, сразу позвоню.

– Понимаю. – Кирилл тоже поднялся. – Подпишите вот здесь. И здесь. Карточку мою возьмите.

После ухода Лиды Архаров и Женя некоторое время сидели молча.

– Ты, конечно, заметил, – тихо произнесла Холодивкер.

– Угу, – согласился Кирилл. – Не просто не захотела говорить, а даже, по-моему, испугалась вопроса. – Он достал телефон, набил текст, отправил.

– Что-то Инга на связь не выходит, – сказала Женя, проверяя свой.

– А она бы мне сейчас не помешала. Вот совсем бы не помешала – редкий случай. – Он встал, потянулся. – Проводишь?

Они вышли в коридор и не сразу поняли, что за куль лежит на лавке. Это, завернувшись в необъятное пальто, тихо посапывала всеми забытая Вера Ивановна.

Глава 2

– Кать, я на улицу. До посадки ещё час.

– Всё с тобой ясно – понеслась риал лайф. Сигаретку, да? – Катька взяла назидательный тон. Она уютно раскинулась на жёстких креслах зала ожидания, положив ноги на чемодан, будто сидела в шезлонге у бассейна.

– Тебе же лучше – я как покурю, добрая становлюсь.

– А твои лёгкие что по этому поводу думают? – Катя старательно наматывала на ухо длинную прядь. Ухо загибалось, прядь срывалась, приходилось начинать заново. – Ладно, иди. Я пока сеть поищу.

Их неделя на Кипре закончилась. Здешний апрель оказался как московский июнь – свежая трава, ещё прохладные тени утром и дни, залитые мягким солнцем. Инга, как и её отец, быстро выгорела до медной рыжины, покрылась веснушками и стала похожа на поджарого ирландского сеттера. Катя же, кровью в бабушку, превратилась в тёмно-медовую статуэтку.

– Мам, стой! – Катя закрыла крышку планшета. – Мы же никому сувениров не купили!

– Да кому они нужны? – Инга крутила в руках пачку сигарет. – Их потом не знаешь куда девать. Не выдумывай.

– Бабушка обидится, – Катя помедлила, – и папа.

– И что, ты им розовое масло купишь? Или магнитик с Афродитой? – поинтересовалась Инга. – Жди меня здесь. – И устремилась к выходу.

Аэропорт был полон людьми в камуфляже – пятнистые штаны цвета сухой земли, куртки с высокими карманами, тяжёлые шнурованные ботинки. Она шла к дверям, всё плотнее увязая в толпе; военные были на голову выше, она несколько раз больно ударилась о чьё-то каменное плечо.

Они с Катей не заглядывали в Интернет с неделю, вайфай отеля тянул слабо и не тревожил постояльцев новостями из шумного мира. Гаджеты иногда без предупреждения улавливали неизвестную сеть и начинали попискивать, выплёскивая обрывки информации, будто сигналы далёких кораблей: «боевики сбили военный самолёт в Сирии...», «население горячо поддержало санкционные мероприятия в области...», «два школьника, вооружённые ножами, ворвались в здание...». Мир атаковал и бурлил. А их окружала абсолютная бестревожная красота.

Инга вышла на улицу. Ветер, бывший с утра ласковым ребёнком, вдруг больно плюнул ей в лицо горстью иголок.

«Из Африки к нам приходит не только тепло, но и песчаные бури». Так было в путеводителе? Только не это, нам же лететь!

Телефон, весь отпуск служивший ей исключительно камерой, вдруг заголосил бесконечной рваной трелью. Сообщения посыпались одно за другим.

«Инга, папа не находит себе места. Разве можно так пропадать? Это бесчеловечно с твоей стороны, у него же сердце».

Узнаю маму! Ей легче упрекнуть, чем признаться, что волнуется. А у папы действительно сердце.

«Завтра всё в силе? Вечерком у тебя. Соскучился», – от Марата. Улыбнулась, набрала ответ: «Я тоже. Очень».

Два последних сообщения были от Архарова: «Инга. Срочно. Нужен твой «дар». Подробности в почту».

А вот это серьёзно – Кирилл впервые назвал мою способность «даром». Раньше только троллил: «Аберрации радужного сознания, выдумки беспокойной интуиции». Как он говорил:

«Для расследования дела любой сложности достаточно наблюдать и логически мыслить»?
Смотри-ка, а тут мой «дар» ему понадобился.

Через минуту от него пришло ещё одно: «Очень жду».

Набрала ответ таким же телеграфным стилем: «Вылетаем. Позвоню».

Она поняла, что соскучилась не только по Марату, но и по Жене Холодивкер, по Кириллу, по московскому ритму, постоянной беготне и делам. По дому. Москва стремительно наваливалась. Инга загрузила почту, одновременно пытаясь прикурить, – огонь сразу потухал от порывов ветра. Крутящиеся двери грохотали рядом, проглатывая одного за другим людей в камуфляже.

– Сигареткой можно у вас разжиться? – Он подошёл близко и закрыл собой ветер, неожиданно заговорив по-русски.

– У меня с ментолом.

– То, что надо. Я с ментолом люблю, но покупать не в кассу. – Он был коротко острижен, с широкой, какой-то простецкой мальчишеской улыбкой. – А тут смотрю – дамочка курит. Виктор. – Он протянул ей широкую руку. – Спасибо.

– Инга. На здоровье. А это все ваши? Слёт охотников? Куда такие пёстренькие летите?

– Мы не пёстренькие, мы – невидимые. – Он жадно затянулся, повернулся другим боком.

Инга увидела, что ухо у него искалечено, половины не хватает. – Нас как бы нет.

Фразы обрывистые, жёсткие. Искрят фиолетовым, будто наэлектризованы агрессией. Хотя он держится приветливо, улыбается. Что это всё-таки за форма на нём? Почему он тут? Кто все эти – остальные?

– А, вот как! Значит, я сейчас сама с собой разговариваю?

Он хохотнул.

Ветер ударил в спину резкой пыльной волной, отскочил от стены и закрутил пылинки в спираль.

– Ничего так погодка, курорт называется.

– Ещё по одной, пока не унесло, как Гудвина? – Инга достала пачку.

– Эх, попадёшь к вам в дом! Давайте уж! – и потянулся к ней.

Вихрь сильным рывком ударил в рекламный щит над их головой, по стеклу разбежались мелкие трещины. Ещё один порыв – опору со скрежетом повело. Первый осколок острым клином разрезал рукав её куртки, другой – иглой прошил его ладонь.

– Пригнись! – Виктор отбросил Ингу к стене, сам же развернулся навстречу ветру, выставив пробитую руку вверх. На место, где они были секунду назад, один за другим ножами гильотины падали куски стекла.

– Неслабо на триплексе сэкономии. – Его лицо и голос оставались спокойными, будто ничего не произошло. – Не выйдет ещё по одной.

– Нас чуть не убило! – В руках Инги дрожала незажжённая сигарета, у его ног расплывалась лужица крови. – У вас... у вас насквозь руку прошло! Нужно остановить кровь. Тут есть врач?!

– Отставить переполох на палубе. Сейчас всё исправим. – Он без суеты вытянул осколок из ладони, отчего у Инги перехватило горло, закрыл отверстие пальцем и пошёл внутрь зала, к своим. – Эй, пластырь у кого есть? Нужно дырочку заклеить.

Инга поплелась внутрь. Кати на месте не было. Пятачок, на котором она её оставила, был занят военными. Стояли молча, окружив рюкзаки. Первая волна испуга ещё не прошла, а её уже накрыло второй.

– Мам, – донеслось до Инги. – Я тут. – Она увидела, как дочь машет ей через головы из магазинчика сувениров. Испуг мгновенно сменился злостью.

– Я тебе где сказала стоять?! Быстро на посадку. – Инга потянула её к выходу, но увидела в руке дочери белую амфору с гнутыми ручками. – Это ещё что?

– Это папе. – Катя не возвращала амфору на полку. – Когда это ты куртку успела порвать?
– Точнее, Даше? Bravo! – Инга раскинула руки. – Давай теперь всем папиным подружкам будем подарки возить! – И, не оборачиваясь, вышла из магазина.

Примирились только в самолёте.

– Я просто очень испугалась, Катёнок, – призналась Инга. – Сначала стекло, потом ты пропала. А этот Витя, ну, который в камуфляже, даже не пискнул, представляешь? Вытащил осколок из руки и глазом не моргнул.

– Как Терминатор?

– Точно! А давай, как приедем, в «Мармеладницу» ходим?

– Мам, ты меня вообще слушаешь хоть иногда? – Катя мгновенно оцетинилась. – Я тебе утром говорила, что за отпуск килограмма три на боках отрастила. Какая «Мармеладница»? – Она оттянула складку на животе. – В тренажёрку на год и на капусту с водой. Вот куда мне дорога.

– Не придумывай! Ты же видела, какая Афродита... э-э... не худая?

– Ну спасибо! Ты меня ещё с Адель сравни.

– Слушай, между прочим, фигура богини считалась верхом совершенства.

– Когда? До нашей эры? Издеваешься?

– Я на полном серьёзе! Нет единого стандарта красото... – начала Инга, но дочка перебила её:

– У неё целлюлит. А бёдра ты видела? Там же безнадежно всё! Им хорошо было, грекам, – закутался в хитон, на бигуди накрутился – и вперёд. – Катя уже почти плакала. – А я? У меня же джинсы в облип, я жиры эти куда засуну? И ты, кстати, такой не была – я фотки видела. Тебе легко говорить – ты в деда пошла, а я в бабушку. – Девочка сердито воткнула наушники и отвернулась к проходу.

Инга открыла почту.

«У нас неординарное убийство, – писал Кирилл. – Нужно бы твоими цветными глазами кой на кого посмотреть. Пока на фото трупа полюбуйся».

Но фото не было – не успело загрузиться.

Самолёт набрал высоту.

Из кармана на спинке кресла торчал забытый номер «Шарма». Инга пролистнула несколько страниц, пока не увидела на развороте большую фотографию Туми с подзаголовком: «Ей сломали судьбу. Прошлого не вернуть?»

Она вздохнула, стала читать: «...дебютный сингл, сняла премьерный клип, и без преувеличения можно сказать, однажды она проснулась знаменитой. Казалось бы, впереди её ждёт только слава...»

На фотографии была Туми – на сцене известного московского клуба. Инга хорошо помнила этот концерт, они были там с Олегом Штейном.

«...перелёты, автобусы, поезда, ночи в гостиницах, каждый день на новом месте. Порой она не могла вспомнить, где находится. В шоу-бизнесе слава имеет свою оборотную сторону. Её предупреждали – притормози, здоровье надорвёшь. Но Туми слишком любила своих зрителей. Кончилось тем, что она упала в обморок прямо на сцене. Журналисты «QQ» Инга Белова и Олег Штейн тогда нашли её в клинике. Что это было – истощение, наркотики, алкоголь? Пошли разговоры, что Туми срывает договор за договором. Так что слава обернулась позором, звезда, стремительно взмывшая на небосклон эстрады, казалось, закатилась навсегда...»

Господи, ну и текст!

Инга скомкала журнал и засунула его под кресло. Два года прошло с тех пор, как их уволили из «QQ» из-за этой истории. Кто-то тогда подставил её со Штейном.

Она вспомнила, как секретарша шефа с вычурным именем – Эвелина Джи – вежливо и унижительно выставила её из офиса. Инга зло стучала ногтями по окну иллюминатора. Там всё так же светило солнце, но она уже будто была в Москве, под плотным слоем облаков.

– Мам! – судя по напряжённому голосу, дочка звала её давно. – Зырь! Хочу-хочу! Результат за три недели! – Она держала номер «Московского лайфа». – Уникальное средство от Елены Большевой: «Наши БАДы помогли звёздам сбросить лишние килограммы без особого труда».

– Ну, Катя, ну какие БАДы? Жир ты сбросишь, а почки и печень на всю жизнь посадишь. У меня была подруга, так у неё от таких таблеток месячные прекра...

– Ой, фсё, – сказала Катя на выдохе и опять отвернулась.

Инга надела наушники, включила рандомный выбор музыки и закрыла глаза. Она проспала и обед, и приземление. Проснулась от громких аплодисментов в салоне. За окном было темно и мутно. Здравствуй, Москва.

«Почту смотрела?» – первым пришло сообщение от Кирилла. Вокруг суетились пассажиры, стаскивали сумки с багажных полок, выстраивались в нетерпеливую очередь на выход, отовсюду неслись трели эсэмэсок и телефонные звонки. А Инга не могла пошевелиться.

С экрана телефона на неё смотрела раскисшая голова. Черты лица были оплывшими, страшными, но узнаваемыми. Инга сразу поняла, кто это. Хотя объяснить, каким образом она узнала в этом уродливом мёртвом лице красивую эффектную женщину, которую последний раз видела два года назад, уходя навсегда из редакции, она бы не смогла. Но сомнений не было. На неё смотрела голова Эвелины Джи.

Глава 3

Двадцать минут назад некий Никита Бу зачекинулся в «Житнице», тэгнув Ивана Безмернова, который в последние дни был подозрительно неактивен «Насвязи». Инга вызвонила Эдика и гончей кинулась в ресторан в надежде, что успеет их застать. Эдик ждал её у входа.

Зал в «Житнице» был один – деревянные панели на стенах, высокие, как барные стойки, столики. Нужный затылок она увидела за столиком у окна.

– Могу я чем-нибудь помочь? – Хостес со стопкой меню еле поспевала за ними.

– Нам хотелось бы сесть у окна, – сказала Инга.

Девушка кивнула:

– Официант подойдёт к вам через минуту.

«Повезло», – радостно подумала Инга, садясь на длинный красный диван, – идеальная стратегическая позиция для наблюдения за объектом. Безмернов был наискосок и напротив: загеленный наверх чубчик, лицо с якобы небрежной щетиной, холёные руки.

– ...ненависти? – Эдик продолжил начатый в фойе разговор.

– После интервью Туми в «Шарме» ко мне в блог опять повалили хэйтеры. – Инга посмотрела на Эдика. – «Сдохни, сука», «лживая продажная тварь» – самое мягкое из того, что мне прилетело.

Безмернову и его собеседнику принесли заказ: два замысловатых бутерброда на досках с подложкой из крафтовой бумаги. Иван взял в руки сэндвич, продолжая слушать приятеля – полного молодого человека с аккуратной бородкой, который рассказывал, как «зашибенски покатался в Италии в марте, жалко, не было тебя».

«Житница» наполнялась народом: над столиками стоял ровный гул разговоров, играла тихая музыка.

– В Лондоне сейчас хорошо – уже лето! – Приятель Безмернова невольно постепенно повышал тон. – В Кенсингтонском парке цветы – закачаешься! А тут, блин, как обычно – хляби. Вместо неба – подушка с говном.

– Да, погода в депрессии, – согласился Безмернов.

– Да и ты тоже. – Толстяк заботливо наклонился вперёд.

– А ты бы что на моём месте? – вскинулся Иван. – Скакал до потолка?

– Что им от тебя надо? – спросил Эдик Ингу из-за меню. – Ты что будешь?

– Тут такой «шикарный» выбор, – Инга не удержала скепсис, – бургер или бургер. Туми в интервью назвала наши с Олегом имена, – продолжила она. – Сказала, что мы сломали ей карьеру: не может петь, не может вернуть себе былую славу. Олега нет больше – все шишки мне. Пришли её фанаты, съели с потрохами. Ну ничего. У меня знаешь как число просмотров на этом скандале выросло! – закончила она совсем невесело.

Пока делали заказ, Инга упустила часть разговора за соседним столом и услышала лишь его завершение:

– ...ты в Тай зачем? Не по бизнесу? – спросил Безмернов.

– Вот только ты не начинай! Мне твоей Джи хватило! – тут же взъелся его собеседник.

– Никит, ну ты что? Ты же знаешь, про тебя никто не спрашивает. А спросят – не скажу. – Безмернов как будто обиделся.

Никита откинулся на спинку дивана, подозрительно оглядывая приятеля.

– Знаю, – наконец, сказал он, смягчившись.

Иван поднялся:

– Пойду отолью.

– А между прочим, недурно. – Эдик с удовольствием уплетал объёмный бургер. – Я тебя не отвлекаю своей болтовнёй? – спросил он тоном ниже, увидев, как Инга провожает взглядом ссутулившуюся фигуру Безмернова.

– Нет, что ты, помогаешь.

Вокруг все о чём-то говорят: о делах, о прошлом, друг о друге, но слова сами по себе ничего не значат, это лишь сосуды, наполненные эмоциями – страстью, неприязнью, похотью. У каждого – свой цвет, от них рябит в глазах. А слова Эдика как пустые склянки – прозрачны. Не пойму, есть ли в них хоть какое-то переживание или в глубине души он абсолютно ко всему безразличен? Вот он нахваливает еду, смеётся, но хорошо ли ему по-настоящему? Почему я его не чувствую?

– Эдик, извини, оставлю тебя один на один с бургером, – сказала Инга. – Я быстро.

Интуиция не обманула. Безмернов стоял у портьера возле гардероба и тихо говорил по телефону.

Инга подошла к зеркалу, стала поправлять волосы. Она пыталась увидеть отражение Ивана: тот стоял как раз за её спиной. Разговор был нервный: Безмернов раздражённо цедил слова.

Говорит тихо, отрывисто. Что-то ещё просвечивает сквозь злость – блики страха! Чего он боится?

– ...спортивная, понятно... я же сказал... – Тишина. – У меня есть заначка, не нужен нам Химик...

Безмернова перебили гневной тирадой, которая долетела до Инги неразборчивым дребезжанием. Иван отвёл трубку от уха. В зеркале отразился экран айфона. Мелькнуло что-то красное: картинка – конь, большие буквы внизу.

– Да понимаю я, что клиенты ждут! Послушай меня, Славик! По-хорошему послушай! – Иван повысил голос. – Я тебе ещё раз говорю: не надо к нему соваться...

Инга достала из сумочки помаду и подкрасила губы. Она ждала, когда Безмернов снова дёрнет рукой, чтобы получше рассмотреть контакт. Но Иван вдруг резко повернулся спиной и снова заговорил тихо. Теперь Инга слышала только невнятный бубнёж. Пришлось вернуться за столик.

– У меня, кстати, горе. – Она посмотрела на Эдика. – Погибла орхидея, которую ты мне дарил. Трагически.

– М-м-м... и как же это случилось? Авария, беспорядки в городе, авиакатастрофа?

– Даже не знаю, само собой.

– Само собой – без света и полива?

– Эдик, ну извини, – улыбнулась Инга в салат.

– Ладно, Градова, проехали. – Он по привычке называл её девичьей фамилией. – Не умеешь ты за цветами ухаживать. Придётся подарить тебе новый.

– Да уж, не отвертеться тебе.

Через некоторое время Безмернов тоже вернулся к столу: меж бровей появилась вертикальная морщинка. Он был на взводе – резко выдернул салфетку, опрокинув солонку.

– А ну его всё к чёртовой матери, давай в Тай вместе махнём, – тихо сказал толстяк. – А, Ванюш?

– Блин, Никит, о чём ты вообще? – Безмернов сделал официантке рукой: «счёт!» – Ну какой нахрен Тай?! Когда следаки с хребта не слезают и «настойчиво рекомендуют» не покидать столицу? Да и потом, ты же в курсе: бабла теперь нет совсем. Мне Эвелинка... смерть её... все ветки к херам обрубил.

– Да ладно тебе, камон. – Толстый протянул подошедшей девушке карточку. – По поводу денег не парься. Только поехали.

– Никуда я не поеду, пока менты с меня не слезут, – повторил Безмернов.

* * *

Архарова Инга набрала уже из дома.

– Ну давай. Расскажи мне, – вместо приветствия сказал Кирилл.

Она села за стол, закинула ноги на соседний стул, перехватила телефон.

– А что там рассказывать? У Безмернова и Никиты всё было в рамках светской беседы – такой милый московский small talk: «Как дела?» – «Хреново».

– И всё? – Кирилл разочарованно хмыкнул. – А по Эвелине есть хоть какая-то зацепка?

– И всё, если будешь меня перебивать!

– Прости, – буркнул Архаров.

– Если хочешь моё экспертное мнение – это не Безмернов. – В ухе раздался прерывистый гудок, Инга быстро глянула: Катя на второй линии. Скинула. – Конечно, Эвелину он вряд ли любил – никакого цвета утраты нет. Но разговоры о её смерти окрашены негодованием, будто он злится, что её убили. Тем более он упомянул о каких-то общих делах, возможно, связанных с Таиландом. Мне показалось, без неё у него ничего не получается.

– А вот с этого момента поподробнее, пожалуйста.

– Этот Бу – он походу Безмернова содержит – всё звал его в Тай... Безмернов спросил: по бизнесу летишь или как? Тот разозлился. В этот момент в их разговоре всплыла Эвелина. Бу сказал: «И ты туда же, мало мне Джи». В общем, я бы проверила этого Бу. Говорит такими сладкими интонациями, возвышенно – Кенсингтонский парк, хляби, а слова топкие, зелёные, как гнилое болото, – меня аж передёрнуло.

– Проверим. Есть ещё что-то?

– Есть, – задумчиво ответила Инга. – Когда Безмернов пошёл в туалет, я вышла за ним...

– Белова, я всё понимаю, унисекс, то-сё, но ты сильно рисковала...

– ...до туалета он не дошёл. – Инга пропустила реплику Кирилла мимо ушей. – Затормозил в фойе. Говорил по телефону. Дословно: у меня есть заначка, клиенты ждут... Там были все цвета тёмного спектра: злость, агрессия, страх. Упоминал какого-то Химика. Видимо, это кличка человека, которого он боится.

В ухе опять запищала вторая линия. Инга проигнорировала входящий звонок.

– Проверим, – повторил Кирилл. – Сходи-ка теперь на экскурсию к Тихоновой, просвети своим рентгеном подругу детства.

– Подожди, это ещё не всё. В разговоре прозвучало слово «спортивная», я подумала сначала, что это Безмернов про какую-то девушку. А потом поняла: это станция метро. Он когда говорил, рукой дёргал, я за ним в зеркало подглядывала. У него на экране телефона была картина Петрова-Водкина «Купание красного коня». Контакт не разглядела. Но я посмотрела по инету, в районе «Спортивной» есть ночной клуб именно с таким названием – «Красный конь». Не знаю, совпадение или нет, но в этот клубешник я бы наведалась... Подожди секунду, дочка что-то названивает. – Инга переключила линию, сказала быстро: – Кать, сейчас перезвоню... – В ответ раздался всхлип, но Инга уже перекинула телефон обратно на Кирилла. – Короче, никакой он ей не бойфренд, фуфлю и показуха вся эта их любовь.

– А что ты там говорила про смерть Эвелины?

– Слушай, мне надо перезвонить дочке, извини. Что-то не так.

Инга набрала Катю. Абонент недоступен.

Она же в школе сейчас. На уроке?

Выдохнула, закрыла глаза, досчитала до десяти. Внутри нарастала тревога. Телефон одновременно зазвонил и прислал эсмэску: этот абонент снова в сети.

– Мам! Мам! – Катя всхлипывала. – Приез... цу... шно...

Телефон спотыкался, выхватывал отдельные слоги и стрелял ими в Ингу.

– Катя! Что со связью? Ты где? – Инга вскочила.

– ...розовская! ...луйста... ожешь?

Раздалось трезвучие, и механический голос произнёс:

– Извините, связь прервалась.

...розовская... Что это может быть? ...цу... Больницу! Морозовская больница! ...ино. Тошно? Страшно!

Инга летела по ступеням, одновременно вызывая такси. Выбежала на улицу: ожидание семь минут. Вскинула руку. Через два ряда к ней спикировал грязный «Жигуль».

Телефон Кати был снова вне доступа. Инга сжимала его так, что побелели костяшки пальцев.

Позвонить Серёже? Сказать ему? Что? Что сбросила телефон дочери, когда была ей нужна?

Вместо бывшего мужа отстучала Марату: «Сегодня отменяется. Еду к Кате в Морозовскую».

Он завалил вопросами: экран телефона постоянно загорался от новых сообщений, пока «Жигуль» маневрировал в потоке машин. Инга не читала и не отвечала, тревога выжигала изнутри.

У регистратуры толпился народ.

– Мне только узнать, – сделала она заход.

– Всем только узнать, – дружно отшила её очередь.

Встала за сутулой женщиной с мальчиком. У него была кепочка с ушками, как когда-то у Кати в детском садике. Набрала номер: абонент недоступен. Достала сигареты, сунула одну в рот, опомнилась, кинула пачку обратно в сумку. Наконец окошко.

– Здравствуйте. – Голос сел, Инга прокашлялась. – Я бы хотела узнать, поступала ли к вам девочка...

– Фамилия!

– Белова Екатерина Сергеевна.

– В какое отделение? – Женщина подняла усталые глаза.

– Я не знаю. – Инга опять прочистила горло.

– Вы ей кто будете?

– Инга, я её нашел!

Она обернулась и увидела Марата. Каким-то образом он успел добраться до больницы быстрее её. Одной рукой он обхватил Катю за плечи – живую, здоровую, другой – махал ей. На миг Инге показалось, что она попала в другой вариант своей жизни – в параллельную вселенную, в которой не было Сергея, они с Маратом не расстались в юности, а она всегда была под его защитой.

Катя высвободилась и побежала ей навстречу.

– Мама! – Её крик разрезал тихий больничный гул, Катя обрушилась на неё, едва не свалив с ног. – Ты приехала, – сказала глухо в воротник.

Несколько секунд Инга стояла, замерев, боялась пошевелиться. Марат подошёл к ним и обнял.

Боже, совсем как Сергей! Ещё не хватало, если он скажет: «Мои девочки!»

– Спасибо, что нашёл её! – прошептала ему Инга.

– Рэхим ит! О чём разговор! Марат-абы всегда выручит, запомни, Катя!

Катя поёжилась и с недоумением посмотрела в сторону Марата. Разлепились. Лицо девочки было в красных пятнах, нос припух.

– Ты меня напугала до чёртиков, – сказала Инга. – Рассказывай, что случилось.

– Пойдём на улицу.

Катя уже тянула её к выходу, Марата она не звала, но он опередил их и широко распахнул тугую дверь.

– Я как раз собиралась выйти. Здесь телефон вообще не ловит. Это Анька. – Катя шмыгнула носом. – У тебя салфетки есть? Спасибо. Вон там лавочка пустая. Ой, а чего это ты в тапках?

Они сели, и Инга с удивлением посмотрела на свои ноги.

– Так что с Аней? Это которая твоя подружка? Полненькая такая?

– Да она уж похудела! – сказала Катя. – Сегодня у неё на уроке пошла кровь из носа. А потом началось. Сначала у неё губы посинели, мальчишки ещё ржать начали, козлы. А потом – судороги. Мам, знаешь, так страшно – у Ани руки и ноги как будто стали все по отдельности. Я к ней, смотрю: ногти тоже синие. И голова, как у старухи, вот так. – Катя изобразила трясучку. – И в обморок – с таким стуком. Я испугалась, что Анька умерла. – Катя смотрела в землю.

– Как она сейчас? – Инга взяла руку Кати, стиснула холодные пальцы.

– Перевели из реанимации в палату. Говорят, кризис миновал. Там с ней сейчас родители. Я и шла тебе звонить, сказать, что всё норм уже.

– А что же это было?

Катя дёрнула плечом.

– Непонятка вообще. Доктор сказал, какой-то аллергический шок. Но они походу сами не догоняют, в чём там дело.

Глава 4

– ...Отель прям на пляже, а про Сплит говорят – там куча всего интересного, – тихо говорила Катя, – у меня виза ещё не кончилась. Папа уже билеты берёт. А, мам, а? А то таскаюсь везде за тобой хвостиком...

– Давай потом поговорим. – Инга понимала, что отпуск с отцом пойдёт дочери на пользу. Но чтобы Катя летела с Дашей... Две недели втроём... Всё внутри противилось этому.

На улице было душно, в автобусе – ещё хуже: пробивающийся сквозь пыльные стёкла свет, синие занавески в тон сидений. Инга с Катей еле успели к отправлению и теперь пробирались по проходу на задние ряды. «Мерседес», накренившись над Моховой, как крейсер, медленно и неуклюже тронулся. Запах нагретой обшивки смешивался с запахом еды – кто-то на передних сиденьях уже жевал бутерброд.

Эвелина и Лида, девочки из двух разных вселенных, – что их связывало? Только детство, только общее прошлое. А если Лида с тех пор так и ходила её подругой-тенью, в вечном очаровании и зависти? Тогда она может знать многое.

– Всем добрый день, меня хорошо слышно?

Рядом с водителем стояла молодая девушка в свободной блузке. Лёгкий шёлковый платок на плечах съехал немного набок, русые волосы убраны в пучок. Юное, почти детское лицо.

– Да слышно, слышно, – громко крикнула старушка спереди.

Чёрные брюки с отглаженными стрелками длинноваты, тёмно-коричневые туфли на стёсанном каблук. Им, экскурсоводам, будто униформу выдают – вещи такие нелепые, условно подходящие друг к другу.

Инга вынула из уха дочери наушник и еле заметно кивнула. Катка встрепенулась:

– Она? – и начала всматриваться в Лиду. – Ты уверена? Эта зачуханная деревенщина дружила с гламурной секретаршей из «QQ»? Она старше меня вообще?

– Тише, – шикнула Инга, – ей двадцать семь.

– Новоерусалимский монастырь, куда мы едем, был построен в семнадцатом веке, при царе Алексее Михайловиче, но я предлагаю для начала откатиться ещё дальше – в век двенадцатый, во времена правления суздальского князя Юрия Долгорукого, – начала Лида.

– Ого, далековато откатываться-то, Лидок, – встряла та самая старушка.

Вытертые локти, мятый пакетик на коленях. Дребезжащий оранжевый тон. Ёрзает на сиденье: довольна, устраивается. Экскурсии – любимый вид досуга, а Лида – любимый гид. Она наслаждается сопричастностью, чувствует себя вторым ведущим. Её можно расспросить про Тихонову на остановке.

– Это ненадолго, Серафима Викентьевна. – Лида улыбалась. – Пока мы едем по Тверской, представьте: на холме, где сейчас Кремль, – частокол из острых кольев. Это небольшое поселение народа вятичи – Москов. Окружено широкой рекой с бродами и болотистыми оврагами. Самое начало Москвы...

– А можно кондей включить? – рявкнул седой мужчина со складчатой шеей. – Дышать нечем!

Из хоботков над сиденьями подул горячий воздух с запахом пластмассы. Инга вывернула свой и Катин вбок. Шум кондиционера заглушал голос экскурсовода, небольшой микрофон, который тянулся от Лидино уша изящной техничной линией, не спасал.

– ...старая Волоцкая шла по сегодняшним Никитским улицам – Большой и Малой в сторону реки Пресня с поселением Кудрино. Не напоминают ли вам что-то эти названия?

– Так ясно что напоминают – Кудринская площадь, Пресня и есть Пресня, – солировала старушка, – а Волоцкий – монастырь, была там лет десять назад на Красную горку, у меня сватья в Волоколамске жила.

Инге неожиданно понравилось. Вся эта пронизанная солнцем автобусная пыль напомнила ей романтику студенческих лет, то лёгкое двукрылое чувство, когда после сессии за дверями журфака ждала свобода, каникулы – целая жизнь. Она вспомнила другой автобус, на котором они ездили по черноморскому побережью, свои голые ноги на коленях Сергея, похожего на ворона экскурсовода, который периодически выныривал из сна и гаркал: «Город-герой Тим-рюк!», пирожки с тягучим повидлом в кафешке на краю света – самое вкусное, что она когда-либо ела.

– ... «из варяг в греки», соединявший Северную Русь и Скандинавию с Византией, Волок Ламский был частью старинного водного пути. Недалеко от Волоколамска суда переправляли – волочили – из Ламы в Волошню. По ней, а затем по Рузе и Москве-реке плыли в Москву. Так доплывали до Константинополя! По старой Волоцкой дороге мы и поедем до Новоиерусалимского монастыря, – продолжала рассказ Лида.

Инга глянула на Катю: та снова воткнула наушники в уши и безучастно смотрела в окно.

Инга любила старые дороги, извилистые и узкие, – те, что петляли между холмов, от деревни к деревне. Храмы выныривали из-за леса, отливая золотом куполов, названия мест отсылали к истории старых усадеб – Губайлово, Никольское, Павловская Слобода, Покровское-Рубцово.

– Сейчас будет заправка, у нас остановка пятнадцать минут, есть кафе и туалет. Не задерживайтесь, пожалуйста.

Лида оправила блузку и присела на переднее сиденье. Автобус выруливал на парковку.

Не сводя глаз с Серафимы Викентьевны, Инга спросила у дочери:

– Пойдёшь?

Катя помотала головой:

– Мармеладных мишек мне купи!

– Пожалуйста? – машинально поправила Инга. – Ты же худеть собиралась.

– Я с утра не ела! – возмутилась девочка.

Серафима Викентьевна двигалась медленно, с усилием, опираясь на палку с вытертым набалдашником. Инга догнала её в передних дверях автобуса.

– ...а исхудала-то как, детонька. – Старушка остановилась, вполоборота глядя на Лиду, заблокировав выход. И, поймав взгляд Инги, поделилась: – Молодец какая, а? Сколько лет живу, а почему Волоколамск так зовётся – слыхом не слыхивала.

Лида благодарно опустила голову.

– А вы откуда будете? – спросила Инга, помогая Серафиме Викентьевне спуститься.

– Я московская, всю жизнь тут. Своих давно похоронила, вот, с Лидочком теперь по округе езжу. Соседка я ей, да и рассказывает она больно хорошо, куда ни поеду – всяк интересно. Ты монастырь этот видала?

Инга не успела кивнуть. Старушка продолжала:

– Немцы там всё разбомбили, руины одни, камня на камне не оставили, а теперь, как президент на Пасху приехал, со свечкой службу отстоял – заново всё отгрохали. Депутаты косяком туда ездют. Вот и я решила глянуть, пока жива.

– Бойкая у нас Серафима Викентьевна? – Лида догнала их.

– Хорошая, – улыбнулась Инга.

– Только мешаю тебе, лапонька. – Старушка прищурилась: довольна была комплиментом. – Мучаешься со мной.

– Что вы! Иногда бывает, в автобус как покойники набьются – все молчат. – Двери магазина-кафе разъехались перед ними, Лида пропустила Серафиму Викентьевну вперёд. – Головы не повернут или засыпают сразу. Вот тогда я по-настоящему мучаюсь.

– Вы хорошо рассказываете, знаний много чувствуется. И дело своё любите. Истфак заканчивали? – спросила Инга.

– Нет. – Лида на секунду смутилась. – Историко-архивный. Но там школа хорошая. И потом ещё курсы гидов, конечно. Там нас учили: выбери себе самого благодарного слушателя и рассказывай только ему. Вот Серафима Викентьевна и есть моя неизменная аудитория.

К кассам стояла небольшая очередь – всё люди из их автобуса. Инга походила между стеллажами со сладостями. Вернулась к Лиде и Серафиме Викентьевне, когда старушка возмущалась:

– Кофею хотела попить! Так триста рублей просят!

Молодая кассирша подняла на Ингу вопросительные глаза.

– Это, – она протянула прозрачный пакетик, – и три капучино.

* * *

– Напоминаю – это действующий мужской монастырь. – Лида стояла против них, скрестив руки ниже груди. – Женщины – на входе возьмите юбки, закройте ноги, если вы в брюках.

Группа двинулась к высокой арке входа. Шаги в ней гулко отдавались, все благоговейно притихли. В тишине было слышно, как Катька, пыхтя, натягивает поверх джинсов цветастую юбку. Инга постаралась не засмеяться. Дочка скорчила ей рожу: видишь, какая я усердная!

– Патриарх московский Никон – духовный авторитет того времени, наставник царя Алексея Михайловича – решил организовать под Москвой новый центр с целью объединения всех под одним началом. Сам же он хотел встать во главе всего православного мира, как папа римский среди католиков. Собор строили как копию храма Гроба Господня в Иерусалиме, перенесли под Москву не только его, но и топографию святых земель Палестины. Появились холмы Фаор и Елеон и небольшой женский монастырь Вифания. Отрезок реки рядом с монастырём назвали Иорданом.

– О, можно грехи смыть! Кто со мной? – оживился народ.

– Грехи смыть успеете, там и мостки есть, и лесенка – всё к вашим услугам. А сейчас пройдёте в Воскресенский собор.

Инга помнила храм Гроба Господня в Иерусалиме – к нему шла Via Dolorosa, Путь скорби – тесная жаркая улица в старом городе, с лавочками и кафе. Ни о какой святости место не напоминало – торговля крестами всех размеров, иконами, чётками, свечами, амулетами и благовониями. Только таблички на стенах говорили – здесь шёл своим крестным путём Христос: «Место встречи Христа с Матерью по пути на Голгофу», «Место первого падения», «Место встречи с благочестивой женщиной». Кто-то шёл по улице каяться, кто-то зарабатывал на этом. Храм давно оброс пристройками, был виден только вход из двух гигантских врат. Такие же были и здесь, в Воскресенском соборе.

– Заходим, пожалуйста, осматриваем интерьер. Свечи можно купить внутри, если желаете. Встречаемся через десять минут в подземной церкви Константина и Елены.

В храме было холоднее, чем снаружи. Белая лепнина на голубом фоне, разноцветные полосы керамики на стенах. Резной иконостас бликовал огоньками, в центре круглой ротонды сверкала небольшая часовня. Пахло ладаном и свежим ремонтом, пел хор. Инга обошла полупустой храм. Узкая лестница у иконостаса спускалась на уровень ниже. Она поискала глазами Катю: та стояла у распятия, внимательно вглядываясь в лицо Христа.

Инга спустилась в подземную церковь. В Иерусалиме – там в расщелине скалы были найдены остатки распятия, а здесь, в подмосковном Иерусалиме, – из-под земли бил источник. Горели свечи. Ей стало спокойно и страшно.

Ты гол и прозрачен. Падаешь внутри капли, один среди мириад таких же капель, а Он смотрит на тебя и знает каждого.

– Мам, ты тут? – Катин шёпот поскакал от стены к стене, как резиновый мячик-попрыгун. – Там группа уже собирается, идём.

– Патриарх Никон не увидел Новый Иерусалим законченным, был осуждён за гордыню, лишён патриаршего сана и сослан, как простой монах, в Ферапонтов Белозёрский монастырь, – рассказывала Лида, когда они на цыпочках подошли к группе. – Там он провёл пятнадцать лет и умер, так и не увидев больше Москвы.

– Высоко забрался, больно падать, – хмыкнула Серафима Викентьевна, – каждому по своей ветке в судьбе уготовано. Вот бы нашим министрам-то да депутатам помнить о Никоне.

– Жду вас на улице через десять минут. – Лида уже поднималась по затёртым ступеням. – Идём к скиту патриарха, в Гефсиманский сад.

Инга поравнялась с ней.

– Современная история, согласитесь? – спросила Лида. – Никон на своём пути никого не щадил – старообрядцев деревнями жёг, чтобы реформу провести, так власти хотел. Возмездие его и настигло.

– История всегда идёт по кругу.

Они шли вдвоём по коридору за алтарём, в небольших приделах пустели иконостасы – новых икон ещё не было.

– Я так и не представилась. Инга Белова. Журналист.

Лида улыбнулась:

– Так вы по работе? Собираетесь писать про Новоиерусалимский монастырь?

– Всё, что вы рассказываете, очень интересно, – уклончиво ответила Инга, – действительно можно провести множество аналогий... Лида, я хотела бы поговорить с вами о Галине Белобородько.

Лида на ходу оправила блузку:

– Ах, вот в чём дело! Изображаете любопытство, только чтобы расспросить про Галю?

Отчётливо проступает болотный цвет обиды, всего лишь из-за моего равнодушия к теме. Да таких экскурсантов у неё пол-автобуса, неужели из-за каждого расстраивается? Похоже, своей работе служит фанатично. А за обидой прячется ещё оттенок, едва уловимый, – бордовая тревога. Нет, она не так проста.

– Конечно, прежде всего я хотела узнать о Белобородько, – честно ответила Инга. – Но меня увлекла ваша экскурсия.

– Вы могли бы связаться со мной напрямую, без этих уловок. – Тон Лиды заметно смягчился. – Галя была моей подругой. Я бы очень хотела, чтобы того, кто это сделал... нашли.

– Понимаете, я не веду официальное расследование, моё дело – блог, статьи. Вы могли отказаться говорить со мной.

– Я и сейчас могу, – заметила Лида.

– Можете, – согласилась Инга. – Но не станете? Я тоже знала Галю, мы работали вместе. Так что это отчасти... личное дело.

– Не представляю, чем могу помочь, – Лида обняла себя за локти, – я уже всё рассказала полиции.

– Мне хотелось бы поговорить о вашей дружбе с Галиной.

– А это тут при чём?

– Причина убийства в большинстве случаев кроется в частной жизни человека. Возможно, вы обладаете той единственной, никому не известной информацией, которая поможет вычислить убийцу.

Мужчина, тот самый, что просил включить кондиционер в автобусе, подошёл к ним и топтался за спиной у Инги. У него явно был вопрос к гиду, и он еле сдерживался, чтобы не перебить.

– Хорошо. – Лида улыбнулась мужчине, давая понять, что его заметила. – Я запишу ваш номер. Встретимся, когда я буду не на работе. Поговорим.

– Скажите, – не утерпел мужчина, – а то, что вы в автобусе про Тушинского вора рассказывали, это ведь историческая байка, да?

– Ну почему же байка? – мгновенно переключилась Лида. – Лжедмитрий, Гришка Отрепьев, действительно создал государство на территории современного Тушина, которое даже чеканило свою монету...

Инга отошла от них. У главного алтаря отбивали поклоны молящиеся. На их фоне выделялись две негнущиеся фигуры в костюмах. Инга поняла – телохранители. Тот, кого они сопровождали, стоял на коленях в затыжном земном поклоне, дрожа ногами в душеспасительном экстазе. Один из телохранителей обернулся, заставив Ингу вздрогнуть: его нижняя челюсть была скошена набок, край скулы был таким острым, что казалось, кость вот-вот прорвёт тонкую смуглую кожу.

– Смотри, как старается, – шепнула подошедшая Катька. – Крестится и оборачивается: все ли иконы видят? А охранник у него! Как этого, у Гюго, звали?

– Гуинплен.

– Точно! Только наш ещё на монгола похож.

«Солидный господь для солидных господ», да? Как ему на коленях неудобно-то, бедняге, даже покраснел.

Помолившись, солидный господин требовательно вытянул руку, ища опоры.

– Мангуст! – гаркнул повелительно.

Телохранитель-монгол помог ему встать.

Несколько мгновений Инга не могла вдохнуть. Потом часто задышала, словно вынырнув из глубины.

Он! Точно он! Высокопоставленный торговец краденым. Непойманный убийца и вор. Как он здесь оказался? Он же должен быть далеко, где-нибудь в Лондоне или в Нью-Йорке, гулять по Центральному парку, читать новости из России и с презрением бормотать: «Ну и где он, ваш грёбаный Интерпол, слабаки?»

Будто окончив совещание, мужчина по-деловому направился к выходу. Второй телохранитель уже отдавал команды в рацию: «...подгоняй к главным воротам. Выходит». Инга попятилась в тень, но не успела – и он её увидел: скользнул взглядом, отвёл глаза, обернулся.

Узнал.

– Машина где? – резко бросил охране и вышел вон.

– Всё в порядке? – спросила Катя.

– Всё хорошо, – Инга выдавила улыбку, – так... Старый знакомый.

Катя смотрела на неё недоверчиво и тревожно.

– Как тебе Лида? – спросила она дочь, чтобы перевести тему.

– Ботаник, – хмыкнула Катька, – и бывшая жируха.

– Почему ты так решила?

– Да это ж ясно! Брюки новые купила, длину не рассчитала – раньше на ляжках подпрыгивали, теперь висят. А вот блузка из старого гардеробчика – на три размера велика. Она её одёргивает по привычке. Мам, ну так ты решила? Что мне папе говорить?

– Скажи, что едешь, – вздохнула Инга. – Две недели моря-солнца лишними не будут.

Глава 5

...но отец сказал: «Замечу, хоть одна пропала, – прибью!» И положил пачку на подоконник, нарочно под самые наши глаза, и спать пошёл, заскрипел половицами. И знал, что не приронемся, знал. Виталька ходил кругами, но так и не решился. В пятницу, когда батя пришел совсем стеклянный ближе к полуночи и упал на диван, не снимая штанов, Виталька выудил у него одну сигарету из кармана куртки. «Пошли», – и мы выскочили во двор. Зажгли от головёшки, во дворе Димастый палил тряпьё и мусор. Виталька затягивался, как бывалый нарик, пускал дым кольцами. Я смотрел на тлеющий кончик. «Ну не жмоться, дай разок». Он сплюнул, нехотя протянул мне: «На палубе матросы курили папиросы, один не докурил, барану подарил!» – и заржал на весь двор. После такого брать окурочок запахло, но любопытство перебило, я взял и быстро втянул со всей дури. Ой блин! Будто ёрш унитазный в горло! Как они эту дрянь в себя?! У меня даже голова поехала от кашля. Виталька отобрал бычок и приложился сам: модно, красиво. «Только продукт на тебя переводить, шкет». Я сиганул к колонке, напился жёсткой воды, но наждачный сигаретный вкус не проходил, торчал где-то на небе. Виталька и Димастый приканчивали бычок. Димастый не умел пускать кольца и с завистью смотрел на Витальку. Но я с тех пор не курю и даже в армии эту пакость в рот не брал.

Отец пропажи не заметил. Утром ему не до того стало. Сначала орал дурниной, а днём, когда очухался, пришёл наш участковый Михалин – заяву сосед на батю накатал. Повторный привод, хулиганство. Мамка плакала каждый вечер, пока разбирательство да суд. Ходила даже к истцу просить, чтоб заявление забрал, да чего ходить, денег у нас всё равно нет, предложить нечего. Тайком от отца ходила – узнал бы, прибил. Но молилась, наверное, хорошо, услышали её там – могли спокойно пятерик вкатить, но дали условно. Батя из суда пришёл добрый, весёлый, раздавил четвертушку и всё разговоры говорил сам с собой. Потом позвал Витальку и сам дал ему закурить. Манера у него особая была: сначала облизнуть фильтр, потом уж прикурить, брат с лёту её перенял. Помню, стоят они у окна: батя в костюме, Виталька в спортивках и в рваной футболке, дымят, а это последний тёплый день, начало октября, и солнце шпарит на чистом стекле. С того дня они стали на равных, а я так, начальная школа.

«Идите в церковь, поставьте за отца свечку Николаю Угоднику», – велела мать. И денег дала. Но мы, конечно, в церковь не пошли, ну нафиг, купили две турбо, чего этому Николаю от наших свечек, тепло, что ли, станет? Мне тогда порш достался, а Витальке какой-то зелёный задрипаный форд, вот я ржал. Впервые такая везуха.

А церковь нашу районную тогда только восстановили, покрасили, надстроили колокольню и с парадом открыли. Поп с области приезжал, втирал что-то про вечную благодать. Мамка слушала, крестилась и меня крестом покрывала, мы с ней вдвоём ходили на открытие. Мать моя всю жизнь в нашем городке прожила, никуда дальше ста километров не ездила. К бабке в деревню съездит и обратно. И в церкви этой они, ещё молодые девки, парням своим свидания назначали, она тогда ещё пустой коробкой стояла и вместо пола внутри чертополох рос. Может, бате и назначала. Так что Виталька у нас церковный. Боженька послал. А меня... а меня вообще непонятно кто послал. Бабка мелко трясёт своей лысой головой и долдонит, что я ни на кого не похож: глаз у меня монгольский, смотрю косо. И ещё, когда сатанеет от ругани, слово одно прибавляет, но нехорошо это про мать родную повторять. Не могла она с чужими – точно знаю. Вот вырасту, думал я тогда, и все увидят, что я настоящий батин сын.

Николаю Угоднику я поставил потом не одну свечку – были поводы. И глядел ему в глаза долго, запоминал. Но когда Хозяина в церковь сопровождаю, не могу на лики смотреть. Будто я в тот момент на другой службе – в частях предполагаемого противника, что ли. Наверное, Хозяин крепко верит, раз столько денег на церковь отдаёт. На службу часто ходит, кланяется

правильно. Но когда лбом касается каменного пола, я почему-то так и вижу – на том месте чертополох прорастает. Как так?

Нет, это всё бесы крутят, думаю больно много. Нельзя в церкви думать, нечисть вокруг тебя собирается, норовит утащить. Да вон она стоит – рыжая, затаилась в тени, глаза недобрые – как пить дать, не молиться сюда пришла.

Сам-то я когда поверил?

Мне тогда лет десять, что ли, было. Вот же, помню, шухер поднялся. Орут бабы так, что уши закладывает капитально. Кто-то «Скорую» побежал вызывать, а кто кричит: «Спасателей сюда!» А Виталька лежит почти под колесом тепловоза и голову по-клоунски набок свесил, глаза закрыл. Машинисту все руками машут, но под тепловоз никто не лезет, стремятся. А тепловоз ещё дёргается так противно, вперёд-назад, и этот металлический скрежет об рельсы. Сейчас задавит брата. Родного! Виталя! Я рвусь прямо на рельсы, но чья-то рука хватает меня за шиворот. Ты куда, пацан, стой на платформе, сейчас мы его вытащим. Я замечаю, что капюшон Виталькиной куртки зажат здоровенным железным колесом, он двинуться вообще не может. Но вроде целый, живой, крови вокруг нет. Тут меня смяла китайская толпа – платформа-то узкая, и с другой её стороны на путях стоит поезд «Москва – Пекин», и вот он трогается, и китайцы резво разбегаются по вагонам. Запах от них какой-то сладкий, приторный, аж тошнит, галдят, толкаются.

Станция у нас крупная, любой скорый поезд хоть на две минуты, да остановится. И на нашей станции часто отцепляют один локомотив от состава и прицепляют другой. Мороки с этими тепловозами, шастают туда-сюда, вот под таким и лежит сейчас Виталька. Ни жив ни мёртв.

Машинист поставил на тормоз, выскочил, а что делать – не знает, боится двинуться, машина запросто может задний ход дать. Не растерялся только один мужик. Пока все суетились, он растолкал толпу, залез под тепловоз и быстро отрезал Виталькин капюшон ножом. Да это вообще любой мог сделать, остальные зассали просто. Брат выбрался, хочет бежать, но его крепко держат. Тут и менты подкатили. Кто такой? Зачем полез? Задержал отправку поезда на час, это ЧП! Да какой нафиг час, вся эта байда длилась не больше пятнадцати минут. Старший мент достаёт рацию, что-то говорит, я различаю слова «возможна диверсия». Что? Блеать... Виталя. Я подбираюсь к нему, он незаметно суёт мне в руки что-то тёплое и тяжёлое. И шёпотом: «Спрячь. Вали домой, салага». Слово старшего – закон.

Я быстро выбрался из толпы, Витальку уже запикивали в «воронок». Смотрю, что он мне дал – лопатник! Увесистый, как кирпич, потрёпанный, вроде кожаный. Откуда? На кнопках еле держится – деньжищ, наверное, внутри... У меня дух захватило: когда он успел? У кого? Бегу домой со всех ног.

«Бать, там Витальку в ментовку забрали, говорят, диверсант, идём скорей!»

Отец посмотрел зло, он только со смены, лучше не подходи. Корявый весь.

«Я в мусарню не пойду», – и ушёл спать.

Я к матери, она в слёзы. Рассказал, что Витальку чуть тепловозом не раздавило. Она крестится и всё причитает, иконы свои подоставала и простояла перед ними, шевеля губами. Она бы их по углам развесила, да батя не даёт. Я между делом сунул лопатник в мешок картошки, поглубже.

Приходим с мамкой в ментовку. Они уже протокол составили, зачитывают нам. Виталька тут же сидит, зубы стиснул, только сплёвывает на пол. Мент дал ему по шее, а ему хоть бы хны. Я на мать глянуть боюсь, страх какой-то непонятный – Витальку-то выпустят, тут и говорить не о чем, не диверсант же он, в самом деле? А она... как на казнь пришла. Вытянулась на стуле, бледная, губы дрожат.

«Повторяю вопрос: зачем ты забрался под вагон пассажирского поезда «Москва – Челябинск», что ты там делал и как оказался рядом с локомотивом?» – мент спрашивает. Ему самому, видно, это всё до чертей надоело, зевает сидит.

«Не молчи, сынок, скажи что-нибудь», – просит мать.

Но я знаю, что Виталька не скажет. Молчать будет до последнего, хоть режь его, хоть статью ему пиши. Откуда у него эта ненависть? Я б так не смог – стрёмно. А он сидит и на лампочку смотрит, типа собака лает, ветер носит, а я не при делах ваще. И долго этот тупой допрос длится, бесконечно долго, одни и те же вопросы по кругу, карусель какая-то долбаная.

И тут я вспомнил про Боженку – ну мать же не зря к иконам припадает, целует их. И я подумал: а где он, этот Бог? Вот правда, где? Мать верит, что на небе. А на небе – это где конкретно? Неба нет никакого – только облака, а за ними космос тягучий и безветренный. Я по телику передачу видел, что будет, если подняться высоко, выше самолётов. Там какая-то невъебренная пустота и ничего больше. И корабли космические иногда попадаются, наши там или американские. И что Богу до тех голимых кораблей? Чем он им поможет, там и без него техники наворочено – нормальному человеку не разобраться. Нет, Бог, он точно удрал с неба, от скуки. И ходит по земле, гуляет. В церковь иной раз заглянет: как вы тут, пацаны? Всё ровно? Прихожане есть? Ну, работайте, пошёл я дальше смотреть. А потом и вовсе станет невидимкой или превратится во что-нибудь. Он может во что угодно превратиться. Да вот хоть в эту лампочку в допросной комнате в нашей ментуре. А может в ножку стола? Не, ножка стола – это не по-божественному. Да и грязный у них стол – один раз превратишься в него, потом не отмоешься.

Посмотрел на лампочку – она мигнула пару раз. Ух ты! И тут до меня дошло! Не зря Виталька всё время пялится на эту лампочку – он знает, что в ней Бог! Такое на меня накатило! Я сразу понял: всё будет хорошо. И тоже стал смотреть на лампочку. Сначала пытался вспомнить, что там мать шепчет, когда иконы свои целует. Потом просто попросил: отпусти Витальку домой, ну отпусти-и-и! И сразу провал такой – раз, и типа нет тебя.

Очнулся я, когда мать уже подписывала ментовские бумажки. Сколько времени прошло, не врубаюсь.

«И что теперь будет?» – спрашивает она.

«Да ничего, – опять зевает мент, здоровый такой, не хилак, как наш участковый. – Взрывчатки на месте не обнаружено, при обыске у него запрещённых веществ не обнаружено. Нечего лазить под вагонами. Считай, в этот раз легко отделался. До свидания».

Домой пришли, когда уж совсем темно было. Батя бухой, сидит за столом на кухне и хлеб крошит на мелкие кусочки, весь батон искрошил. Увидел Витальку, поднял кривой грязный палец и силится что-то сказать, но язык не ворочается. А потом хватает тарелку с сухарями и в нас со всей дури, я едва увернулся. И поднимается медленно, грузно – большой он тогда был, килограмм под сто.

«Ма, я у Димки переночую», – крикнул Виталька, скрываясь за дверь.

«Беги, сынок», – и встала перед отцом, стоит, не моргает, только в косяк дверной худыми пальцами вцепилась.

Я хотел выскочить вслед за Виталькой, но не мог – к месту прирос.

А отец подошёл к ней, шатаясь, что-то елозя языком, угрожая и вяло матерясь. Как тinouй покрытый, убитый только ему понятным пьяным горем, бешеный. Встал напротив неё, кулаком играет, прицеливается.

Она не шелохнулась.

Я тогда вдруг подумал: а где сейчас Бог? Так и остался в лампочке, в ментовке? Нового кого-то спасает? И, словно услышав мои мысли, отец вдруг отвернулся от матери и быстро, сшибая углы, пошёл, почти побежал в спальню, и оттуда было слышно, как летят на пол гли-

няные горшки, бьются деревянные образа и трещит разорванная ткань – то ли занавески, то ли простыни.

Глава 6

Лида написала Инге на следующий день.

«Доброе утро! Я могу поговорить с Вами сегодня. Начиная с двух буду по адресу: Шоссейная улица, 98Б, строение 11. Подъедете – позвоните».

Расставила все знаки препинания – не поленилась, и это «Вы»! Почему так официально? Держит дистанцию или это просто комплекс отличницы? «Могу поговорить с Вами» – подчёркивает, что встреча нужна мне, она лишь уступает. Разговор будет такой же формальностью? Или действительно хочет помочь? А вдруг пытается отвести от себя подозрения?

День был почти летний. Тёплый ветерок гонял по асфальту ржавую пыль. Вместо дома по адресу, который дала Лида, тянулся бесконечный бетонный забор с однообразным вафельным узором. Инга набрала номер и зашагала к железным воротам.

– Лида, добрый день. Инга Белова.

– Ворота видите? Я сейчас подойду. – Голос почти не слышно из-за лая.

Через несколько минут появилась Лида.

– Спасибо, что согласились встретиться.

Инга наблюдала, как миниатюрная девушка справляется с огромными створками, задвигает тяжёлый засов.

Внутри было огромное замызанное пространство, похожее на кооперативные гаражи. Только вместо зелёных коробок вдоль асфальтовой просеки тянулись клетки с собаками. Вывеска на кирпичной одноэтажной будке сообщала: «Администрация приюта «Человек – друг собаки».

– Мы про этот приют из сети узнали, им волонтеры были нужны. Собак много – кормить, убирать некому. – Лида вела Ингу вдоль клеток. На каждой дверце была табличка с текстом: кличка, возраст, вес.

Тон золотистый, слово «мы» мягче остальных. Влюблена.

– Привет, привет, Анчарушка. – Девушка остановилась, чтобы потереть сквозь прутья ухо чёрно-рыжего пса. – Со стройки привезли недавно. Добрый, покладистый, но с особенностью: боится людей в телогрейках. Зубы сразу скалит, бросается.

– У меня самой собака, Кефир зовут, из приюта щенком взяли. – Инга дала Анчару обнюхать ладонь, тот сразу завил хвостом. – Худой был, одни кости, на крысу похож. Зато потом, когда отъелся, оказался почти зененхундом!

– Смешно вы его назвали!

– Дочка придумала. Сейчас Кефир, правда, у бывшего мужа живёт. Мы скучаем.

– А мы себе собаку позволить не можем – работа. – У каждой клетки Лида притормаживала, всё ли в порядке. – А так бы завели бигля. Здесь есть парочка потеряшек, а хозяева не объявляются. Поверить не могу, что такого пса бросить можно.

– Породистых тоже бросают?

– Да, и часто! Надоела, дети появились – вот приносят на усыпление или нам подкидывают.

– Не понимаю. Они же членами семьи становятся.

– Или заболевших лечить не хотят. – Они встали у следующей клетки. Белый лохматый пёс неловко просунул им нос. – Веста. У неё давно с глазами не очень, а в последний месяц совсем плохо. Сейчас практически ничего не видит. Старая, на передержке у нас, как в хосписе, до конца.

– А часто вы здесь? Не тяжело? – Веста крутила головой: прислушивалась к незнакомому голосу Инги.

– Почти все выходные. Приют под завязку, собак в возрасте берут редко. У нас радость, если желающие находятся, раньше каждого персонально сопровождали. – Лида и здесь была такой же ответственной. – А где-то с месяц назад пришел один парень, лет шестнадцать-семнадцать, говорил, собаку хочу взять. Сначала мы с ним вдвоём пошли, я ему про каждую рассказывала – что за характер, привычки, а он: «Дайте мне тут одному побыть, родную душу почувствовать». Оставила его. Так он, сволочь, в клетки шарики с отравой набросал и сбежал! Три пса сразу умерли, пять до сих пор в плохом состоянии, не знаем, выживут ли. Теперь только по звонку пускаем, никаких «добрых людей». Нам кормить скоро, идёмте, пока время есть, на кухню. Потом трудно будет говорить.

В административном домике было тихо и пусто. Вдоль стены стояли мешки с кормом, в углу – крохотная кухня. Лида достала две чашки, залила кипятком серые пакетики. Инга сделала маленький глоток, поморщилась – пакетированный чай она не любила.

– Расскажите, пожалуйста, о Галине.

– Мы со школы дружили, с третьего класса, её к нам тогда перевели. Нас за одну парту посадили, вот и стали ходить вместе. Галя дикая была, как наши собаки, когда их с улицы забирают.

– Дикая? Это как?

– Отвечала резко, могла в драку ввязаться, наругать. Чтоб девчонка так себя вела? Нет, я таких не встречала. У меня, знаете, дома было, как в оранжерее, всегда одно время года – тепло, светло, обед по расписанию.

– А у Галины какая семья?

– Какая там семья! – Девушка посмотрела в окно. – Я маму её в школе только пару раз видела. Да и в полиции вот недавно. Галя всегда говорила, что она для матери пустое место. Той мужики важнее. А как уж там было на самом деле... – Лида подвинула ей коробку. – Тут печенье, чай пейте, остынет. Она, когда ко мне в гости пришла, не могла поверить, что так бывает: мама, папа, оба непьющие, живём мирно, говорим вежливо, своя комната. – Лида обняла горячую чашку ладонями. – Меня очень любили, я с детства «их золотко». А Галка понимала, что ей рассчитывать не на кого. Как бультерьер, за жизнь цеплялась.

Открылась дверь, лай стал на мгновение громче. В домик вошёл молодой человек – спокойные серые глаза, гладкое лицо, ямочка на подбородке. Лида заулыбалась.

– Паша, познакомься, это Инга Белова, журналист. Я говорила тебе. Мы о Гале беседуем. Чай будешь или кофе? – Она снова включила чайник, протёрла клеёнку на столе.

– Чай. Здравствуйте. – Молодой человек снял с полки толстую «Тетрадь для записей», что-то пометил. – Я читал ваш блог, хорошо пишете. Интересно.

– Спасибо. Это вы придумали сюда волонтерами ходить?

– Придумал я, – Павел стряхнул пыль со стула, – а ходим вместе. Значит, Галина Белобородько?

– Да. Вы знали её?

– Мало. Лидина подруга.

– Я знала её под именем Эвелина Джи – она моя бывшая коллега по журналу «QQ».

Лида поставила перед Пашей чашку. Он жадно отхлебнул и спросил:

– А сахар?

– Кончился. – Лида виновато посмотрела в пустую сахарницу. – Ты не сказал купить.

– Понятно.

– Паш, ну прости.

– Лида, когда и зачем Галина сменила имя? – спросила Инга.

– Точно уж и не помню. Она всегда, ну как вам сказать, своей семьи и имени стеснялась, что ли. В школе требовала, чтобы её звали Лина. Потом вдруг придумала историю, что она из

польской аристократической семьи, а там у всех двойные имена. Стала Ева-Лина. Потом эта история ей надоела, а Эвелина осталась. Эвелина Джи ей казалось интригующим, роковым.

– Не понимаю, зачем люди меняют имена, – сказал Павел. – На мой взгляд, это неуважение к родителям.

Инга увидела, как Лида собралась ему возразить, но тут же одёрнула себя.

Зазвенел будильник.

– Кормёжка! – Паша поднялся. – Ну, раз вы тут сладким не кормите, пойду к собачкам. Лид, я начну, а ты потом присоединяйся. Хорошо, мышонок?

Будто бы заглаживая былую холодность, он нежно дотронулся до её плеча, чмокнул в щёку.

– Как я могла забыть про сахар? Заходила же в «Семёрочку» утром! – Лида ещё раз проверила все полки, когда Паша ушёл. – У него давление низкое, голова часто болит.

– Какая была Галя в школе?

– Она, как эти псины, – Лида вернулась за стол, – сообразила, что стаей большего можно добиться. Собрала нас, троих самых не похожих девчонок, вместе, так что мы стали как перчинки в Spicegirls – все разные и классные, – к нам никто просто так подойти не мог.

– Здорово. Инстинкт сработал. – Лида кивнула, подтверждая. Инга продолжила: – Вот откуда её целеустремленность. Она и у нас на работе только с нужными людьми общалась.

– Не удивляюсь. Галка всегда была деловая. Она за коммуникации отвечала: где гулять, с кем дружить, кому бойкот объявлять. Я за учёбу – домашки, сочинения, контрольные все на мне.

– А третья девочка?

– Тамара Костецкая. Её звали «актриса». Она решала, например, на какой фильм в субботу идём.

Костецкая! Та самая «восходящая звезда», которая снималась в «Перебежчике» у Марата!

– Почему?

– Она кино обожала. И играла в школьном театральном кружке. Красивая была необыкновенно! А любимая роль – Кикимора, представляете? Играла потрясающе! До сих пор мурашки по коже! У неё дар к перевоплощению, ей даже не надо было костюма и грима. Хочет – девочкой станет наивной, ресницами хлопает, а хочет – красавицей. Будто секрет знала – любого могла к себе расположить, – вздохнула Лида. – Галя просила Тамару научить, а та ей отвечала: «Это либо дано, либо нет, я ничего специального не делаю – только в глаза посмотрю, и человек сделает всё, что я захочу». И смеётся. И такое чувство, что жизнь у неё всегда будет гладкая и красивая. Галя завидовала, понятное дело. А мне с ними так классно было! Я же тихоня, а они столько всего придумывали: как на концерт бесплатно пройти, как отомстить сплетницам-отличницам или мальчишкам.

– Неужто дрались?

– Постоять за себя умели. – Лида расправила плечи. – Но никому и в голову прийти не могло. Тамара всегда как дива выглядела, плавная, воздушная, а бугая-десятиклассника однажды так отделала!

– Расскажите, – попросила Инга.

– Он её у туалета зажал, лапоть начал, под юбку полез, типа лёгкая добыча. А она ему, – Лида понизила голос, – не здесь, идём со мной. И повела за гаражи. Тот за ней телёнком, а как видно их не стало, она ему ногтями в лицо и коленом между ног! Долго потом меченый ходил. Он с тех пор нашу троицу избегать стал, но никому ничего не рассказал, стыдно, наверное, было. Да и кто поверил бы!

– Лихие вы были.

– Это они. А я у них училась. – Лида слегка покраснела. – Тамара с Галей ещё тогда решили: у них большая жизнь впереди, вырвутся из нашего болота.

Она и две популярные девочки. Речь льётся легко, плавно, бирюзово-оранжево – это было лучшее время в Лидиной жизни. А Эвелина уже тогда умела людьми пользоваться – проехаться, как на трамвае, и на нужной остановке соскочить.

– После школы, – Лида не спеша укладывала собачьи миски в стопку, – стали реже видятся. Мне родители репетиторов наняли, знакомства подключили, и я прошла в Историко-архивный на музееведение. А девочки не поступили. Тамара в ГИТИС баллов недобрала.

– А Эвелина куда поступала?

– Она на Иняз замахнулась, хотела в переводчики, но провалилась сразу. – Лида усмехнулась. – Устроилась секретарём и зажила другой жизнью.

– Что вы имеете в виду – другой жизнью?

– Не знаю, как объяснить, – она подбирала слова, – вот представьте себе. Я иду после института, целый день на лекциях: «Теория музейного дела», «Архивоведение», «История Античности». И тут вижу: останавливается машина, а из неё моя Галя выпархивает – в деловом костюме, с портфелем, в очках. Она начала с малого: с колл-центра, потом – на ресепшен секретаршей. А за последний год доросла до личного ассистента босса.

– Значит, вы часто виделись?

– Нет, нет, не особенно. Ну, просто... созванивались.

Лида замолчала.

– Расскажите ещё про Тамару, – попросила Инга.

– Она после школы совсем потерялась – в кулисах все спектакли проводила, роли наизусть шпарила, даже устроилась уборщицей в театр. Потом ещё два раза в театральный поступала, с третьего взяли. Сейчас мелькает в кино, в антрепризах, но мы мало видимся.

– Тоже другой жизнью зажила?

– Да нет, почему. – Лида смутилась. – Мы встречались время от времени. Но потом как-то... некогда ей стало. То съёмки, то гастроли. Ну, вы понимаете, – закончила она совсем тихо.

Не может определиться. Не знает, на кого свалить вину за разрыв с подругой. А может, она сама вычеркнула Тамару из жизни? В последнем признаваться неловко – Лида хочет выглядеть верной подругой.

– Расскажите?

– Пусть она вам сама всё расскажет. – Девушка собирала чашки со стола.

– Как мне её найти?

– По соцсетям посмотрите, – тон стал жестяным. – Вы знаете, Паша там сейчас за меня всю работу делает. Надеюсь, я вам помогла?

– Я тоже надеюсь. Спасибо. – Инга поднялась.

На улице Павел одну за другой открывал клетки, сыпал в миски корм, наливал воду. Лида кинулась ему помогать. Инга стояла рядом, выжидая удобный момент, чтобы попрощаться.

Пора выходить на Костецкую. Конфликт у них наверняка был пустяковый, из-за парня поссорились или что-нибудь вроде этого, но встретиться надо обязательно.

Грустный пятнистый бигль с перевязанной задней лапой лежал в углу вольера. Увидев коричневый мешок, пёс вскочил и неловко забегал из угла в угол. Приблизился к Паше, подсунул ему под руку сначала нос, потом голову, требуя, чтоб ему чесали за ушами.

– Он у нас только что после операции, – объяснила Лида.

– Бастер, подожди, – ласково ответил ему Паша, – сначала воду.

Он отстранил бигля и включил шланг. Инга зашла в клетку и не успела понять, что произошло: добродушная псина внезапно ощерилась и рванула вперёд. Тихо и страшно, не издавая ни звука, она бросилась прямо на неё. Паша кинулся наперерез взбесившемуся псу, загородил Ингу. Бастер вцепился ему в руку и дёрнул головой, пытаясь вырвать из ладони кусок мяса.

Лида, охнув, схватила собаку за ошейник. Хоть и с трудом, но ей удалось оттащить Бастера. Тот, щерясь, рвался на Пашу.

– Вот же... – Павел тихо ругнулся. – Не любит чужих.

– Извините, ради бога. – Инга растерялась. – Я и подумать не могла. Бигли, они же такие дружелюбные. Не надо было мне заходить в вольер. Вы меня спасли, но что с вашей...

– Ничего страшного, – Паша рассматривал глубокий укус, – вы не виноваты.

– Аптечка там, в администрации, – лепетала испуганная Лида, умело увёртываясь и привязывая взбешённого пса. Теперь Бастер издавал дикие, утробные звуки, которые нельзя было назвать ни рычанием, ни лаем, – это был рык дикого зверя.

– Вам в травмпункт надо, – ошарашенно сказала Инга, – и уколы от бешенства.

– Ерунда. – Паша, поморщившись, прижал укушенную руку к груди. – Сначала сами обработаем, потом посмотрим. Нам не впервой! Жизнь волонтера тяжела и опасна.

Какой знакомый жест... где-то совсем недавно я видела похожий... Точно! Военный в аэропорту Пафоса! Стекло прошило ему руку, а он так же просто поморщился, будто его комар укусил.

Лида закрывала клетку. Она сильно побледнела, руки тряслись.

– Вы извините, что так вышло. Животные наши сплошь травмированные. Вы, Инга, может, напишете про наших собачек? Подумайте. Спасибо, что зашли. Приятно было познакомиться. – Паша кивнул Лиде: – Пойдём, поможешь рану промыть.

Глава 7

– Помнится, раньше ты не брезговал свининой. Что вдруг перешёл на кошерное?

– На халяль, – поправил Марат.

– И всё-таки? – Инга забросила огрызок колбасы обратно на пустую полку. – Принял веру предков?

– Посмотри на меня! – строго сказал он. – По-твоему, я похож на религиозного человека?

Инга оглядела его фигуру, прикрытую её крохотным передником, как фиговым листком, и засмеялась.

– Я подхожу к этому с практической стороны, – продолжил он. – Животное на скотобойне испытывает такой ужас, что у него адреналин зашкаливает. Потом ты этот чуп-чар кушаешь, и его стресс передаётся тебе. А баран, забитый по всем правилам, мирно засыпает.

Марат деловито выкладывал на стол добытые по сусекам продукты: свиток лаваша, остаток вчерашнего картофельного пюре, высохший пучок кинзы. Инга скептически оглядела этот набор:

– Может, лучше в ресторан?

– Обижаешь! Что я, свою женщину не накормлю?! Зачем нам какой-то ресторан? Там всё делают без души, это же конвейер.

– Но разве что-то можно приготовить вот из этого?

– Очень даже можно! В самый раз для кыстыбый. Конечно, еда простая, зато шул хатле уютная, семейная. Тебе понравится.

Марат разделил лаваш на четыре части, завернул в них перемешанное с зеленью пюре, смазал маслом и выложил на сковородку.

– Думаешь?

– Уверен.

Сладковатый запах жареного теста и пряностей сгустился над плитой. Инга вдруг представила себе просторный дом, полный говорливой родни, детей, смеха, протяжных переливчатых песен. На миг ей захотелось стать своей в этой пёстрой восточной семье.

– Мой отец говорил: «Что ты вкушаешь, то ты и переживаешь», – рассказывал Марат, словно сказку из «Тысячи и одной ночи». – Нельзя есть просто так, для сытости. У каждого блюда свой эффект, как у лекарства. Вот когда мы снимали «Перебежчика», я всю группу казылыком кормил. Это настоящая пища кочевников, воинственная. Мужское начало повышает, силу. Под конец по десять дублей выдавали с ходу. Даже Костецкая.

– Ты её хорошо знаешь?

– Конечно! Огонь-женщина!

– К ней ты тоже подходил с практической стороны?

– А как иначе? Я же мужчина.

Досада так и просвечивает. Ничего у тебя с ней не вышло!

Инга улыбнулась.

– Познакомишь нас?

– Зачем это? – Марат напрягся.

– Да так. Для обмена опытом. – Инга едва сдерживала смех. – Да ладно, расслабься, о тебе спрашивать не буду. Мне для дела.

* * *

Клуб «Красный конь» занимал длинный подвал старого пятиэтажного дома в тихом центре.

В тесном фойе Инга увидела стилизованную копию картины Петрова-Водкина. Мальчик на коне казался болезненно-тонким. В оригинальной версии его ключицы и плечи создавали мощный треугольник – мальчик выглядел худощавым, но крепким. Но современный художник-копиист, видимо, решал иную задачу. Он сделал линию плеч зыбкой и не вставил шею внутрь, а приделал сверху, как декорацию. Оттого шея заваливалась набок, как дерево без корней. Левая нога была тоже прописана условно, без намёка на мышцы.

Гардеробщик потянул из её рук плащ. Она машинально взяла номерок, не отрывая глаз от картины, и только тут заметила, что левая рука мальчика держит дымящуюся сигарету, почти прижимая её к конскому боку.

Здесь курят.

Клуб представлял собой анфиладу комнат, как во дворце, только с низкими потолками. В первых двух было светло, здесь сидели за столами. Дальше начинался полумрак чилаутов с диванами, разделёнными условными перегородками. Музыка приближалась постепенно, громыхала из дальнего зала.

Инга давно не была в клубах – со времён работы в «QQ» приобрела к ним стойкое отвращение.

В комнатах висели копии известных картин. Двадцать первый век лениво стебался над веком двадцатым: широкие спины Дейнеки превращались в изнеженные, пропорции фигур были сильно искажены. Она заметила, что герои картин держали в руках сигареты, кальян, а у одной в ладони было что-то похожее на порошок.

Инга взглянула на телефон – связи под землёй не было. Отлично.

Эдик напрашивался с ней, уныло перечисляя все возможные клубные напасти – от навязчивых наркочилеров до нетрезвых хулиганов. По нытью её друг не знал себе равных. Инга держалась твёрдо:

– Брось, Эдька, кого сейчас можно испугать хулиганями? Везде секьюрити.

Про наркочилеров она благоразумно промолчала; не говорить же, в самом деле, что они и были её целью? Версия, что Эвелина и Безмернов занимались сбытом наркотиков, казалась наиболее вероятной.

Она сделала глубокий вдох и вошла в танцевальный зал. Словно сетью, на нее накинута ритм, глаза запаниковали от мерцающего лазера. В ушах стало плотно от рейва. Проводить тут время – всё равно что сидеть под водой.

Инга медленно шла сквозь толпу. Слева на танцполе колыхалась чёрно-серая масса, туда пока лучше не ходить. Справа был подиум, ярко освещённый и на уровень выше, – танцевали, как на сцене. По центру огромного зала – бар, он походил на открытый со всех сторон ресепшен в отеле. Инга с трудом прорвалась к стойке, но присесть было некуда. Подняла глаза вверх – под потолком качались три надутых гелием коня с квадратными улыбками во все зубы.

– Добрый вечер, дайкири, пожалуйста! Что? Что? Один, да!

Бармен, худой молодой человек, похожий фигурой на мальчика с репродукции, быстро сделал ей коктейль.

Инга развернулась к танцующим. Это был выход красоток – танцевали одни девушки, позмеиному изгибаясь и отбрасывая волосы назад, картинно, с вызовом. Ни одной хипстерши в ботиночках и футболке – все были сплошь на шпильках и в мини, талии подчёркнуты, каждое движение отточено. Обнажённые руки и плечи в лучах лазера светились по-лунному.

Проклятый бодишейминг. Скоро забудут, как выглядит нормальная женщина. Вон картины уже переписали.

Как обычно в минуты раздражения, она почувствовала голод. Сэндвич с семгой оказался куцым чёрствым бутербродом.

– Это всё, что у нас есть, – улыбнулся бармен с бейджиком «Слава».

Тот самый Славик, с которым разговаривал Безмернов по телефону?

– Всегда у вас так много народу?

В грохоте бита говорить было невозможно. Да это и не предполагалось. Инга и бармен читали реплики друг друга по губам.

– Не, недавно стало. Раскрутились понемногу. А вы одна?

– Подругу жду. Мы договорились у бара в десять, но я её не вижу. И связи нет. Вайфай какой у вас?

– Никакого нет.

– А кто рисовал картины?

– Друг нашего хозяина. Самоучка. Ему по приколу было, а нам – интерьер.

– Выставляется?

Он помотал головой.

– Умер. Скурился.

Слава покрутил бокал со льдом в воздухе, потом выкинул лёд и отмерил в бокал пятьдесят виски. Это выглядело так, словно художник при жизни состоял из бессмысленно дребезжащих ледяных кубиков, но, представившись, обрёл крепость благородного напитка.

Музыка стала тише. Инга хотела ещё расспросить про художника, но бармен отвлекся на другую гостью. Он перегнулся через стойку – она что-то говорила ему, прижимая губы к уху. Потом протянула купюру, которую он быстро спрятал.

– Место знаешь? – донеслось до Инги. – Ну, отлично.

Слава вдруг ловким движением выхватил из бара две бутылки с ликёром и принялся жонглировать, сначала небрежно перекидывал их за спиной, потом всё резче и рискованней подбрасывая вверх. К бутылкам добавился шейкер – они описывали ровные круги, бармен поочередно прокатывал их от плеча до кисти, ставил на баланс.

Рейв сменился прозрачной танцевальной мелодией.

The club isn't the best place to find a lover
So the bar is where I go³.

Флейеринг завершился фееричным вращением бутылок. Зрители завизжали. Слава небрежно поклонился и ушёл на другую сторону бара.

Инга поискала глазами девушку, сделавшую заказ, но её нигде не было видно. Не было и коктейля, который должен был быть приготовлен в ходе этих искусных манипуляций. Но девушка отдала бармену деньги. За что?

Когда Слава вернулся, Инга приканчивала дайкири.

– Что-то я засыпаю, хочу что-нибудь бодрящее. На ваш вкус, сделаете?

– The Donald – самое то. Рецепт нашего шефа. Вставляет так, что аж ракеты в глазах.

– А шоу будет? Хочу ещё раз посмотреть на ваше жонглёрское искусство.

Бармен слегка растерялся.

– Попозже, идёт?

³ Shape of You. Эд Ширан, Asylum Records. 2017.

The Donald стоил как четыре дайкири, а на вкус был горьким и вязущим. Инга разочарованно отошла от бара, поднялась по ступеням лестницы, ведущей на консольный этаж, – там раскинулся ещё один чилаут. Лазер выхватывал из сумрака полулежащие фигуры.

Рядом заработала дым-машина – со свистом вылетела вверх мощная струя, и Ингу заволкло облаком, сладко пахнущим леденцами. Когда дым рассеялся, она увидела рядом со Славой высокую полную девушку в синем кардигане. Бармен отступил на шаг, привычным жестом взял бутылки, и Инга услышала, как в голове у неё заиграла Shape of you – за секунду до того, как эту песню включил диджей.

Me and my friends at the tables doing shots
Drinking fast and then we go slow.

Дежавю: те же летающие бутылки под те же аккорды известного хита. Что это? Совпадение? Ставить одну и ту же мелодию с интервалом менее получаса? Вряд ли. Это похоже на условный знак тому, кто не может видеть бара. Но может слышать музыку.

Она сбежала вниз по лестнице, не выпуская из поля зрения девушку в кардигане. Та уже шла к двери с неприметными знаками «W» и «M» в левом конце зала.

За дверью оказался тускло освещённый кафельный коридор. Инга прошла вперёд, миновала туалеты. Из женского доносился истерический смех. Она мельком заглянула туда – группа девушек сгрудилась вокруг раковин. Синего кардигана среди них не было. Пахло сладковатым дымом, в туалете явно курили травку. Коридор вёл дальше, поворачивал направо. Усилился запах канализации. То справа, то слева ей попадались двери, но все были закрыты. За единственной незакрытой дверью она обнаружила упаковки туалетной бумаги, пластмассовые вёдра и средства бытовой химии. Так она дошла до развилки и, недолго думая, свернула налево. Тёмный тупик. Позади послышались шаги. Инга рванула назад, в свет. Из коридора напротив выходил синий кардиган. Увидев Ингу, она обезоруживающе улыбнулась:

– Представляете, заблудилась! Пошла в туалет, а выход обратно не найду.

– Я тоже, – пробормотала Инга.

Девушка перекинула через плечо помятую сумку.

– Катакомбы тут – кошмар. Попробую в другую сторону. – И, виновато улыбаясь, попятилась обратно к туалетам.

Что ты делала в этом закоулке?

Инга свернула в правый коридор. Там не было света, но в полумраке мелькнул силуэт. Она сбавила ход – фигура тоже сбавила ход. Инга остановилась. Силуэт тревожно замер, готовый бежать назад. Она кинулась вперёд, едва сдерживая крик. Рука наткнулась на холодное и гладкое. Зеркало.

Испугалась собственного отражения. Дожила.

Инга нащупала ручку. Из щели тянуло свежим воздухом. Это была зеркальная дверь. Дёрнула: закрыто.

Когда она вернулась в зал, вечеринка была вся в розовом искрящемся дыму. Столики у стен убрали, и всё пространство превратилось в танцпол. Инга бездумно скользила взглядом по лицам в колышущейся толпе. Музыка и мятущийся лазер притупляли внимание.

– Как вам наш новый коктейль? – спросил Слава, когда она вернулась к стойке.

– Тяжеловат.

– Что-нибудь полегче?

– Как насчёт Shape of you?

Слава не изменился в лице, только провёл пальцами по губам, словно прижимая к ним улыбку.

– Я понял, что вам нужно. Специально для скучающих девочек.

– Давайте. Похоже, подружка меня сегодня кинула. Может, вы видели её здесь? Высокая, волосы такие... длинные, тёмные.

– Зовут как?

– Эвелина.

Бармен неопределённо повёл плечом. Он снял с верхней полки литровую бутылку Samragi, поиграл ею и вдруг подкинул, крутанулся вокруг своей оси, припал на колено и поймал её почти у самого пола.

Музыка стихла. Но зазвучала другая песня – недавний хит Believer. Ликующий возглас пронёсся по залу. Инга смотрела на Славу, ожидая продолжения шоу. Но он уже без фокусов наполнял бокал лимонным сиропом и фруктами. Она вытащила деньги, он протестующе поднял руку.

– За счёт заведения. Добро пожаловать в клуб!

Не пей! Отрав!

Зажмурившись, она быстро сделала глоток, чуть не задохнулась от ледяной сладости.

– Привет, Лину ищешь?

Позади неё стоял Безмернов. В горчичной лёгкой куртке с капюшоном и костяными пуговицами-дафлкотами на шнуровке он походил на мальчишку-студента. И держался по-мальчишески, слегка ссутулившись и глядя исподлобья.

На взводе, дёргается сильнее, чем в «Житнице».

– Да, я пришла...

– Её сегодня не будет. – Он мотнул головой, стряхивая с волос капли дождя.

– А когда...

Он не давал договорить, словно включал заранее записанные фразы.

– В отпуске, на море загорает.

Клуб наполнила новая порция горячего дыма, Безмернов неловко расшнуровал верхнюю пуговицу. На пальце блеснуло кольцо.

– Я тебя не помню. Ты с ней на связи?

– Больше года. – Инга играла вслепую.

– Давно качаешься?

– Что, простите?

Иван поднял брови. Инга поняла, что допустила промах, в замешательстве оглядела себя.

Качаешься? О чём он?

– Не очень. Месяцев шесть, – сказала первое, что пришло в голову.

Он оценивающе оглядел её с головы до ног, не по-мужски, а так, как обычно оглядывает портной, прикидывая фасон нового платья и расход ткани.

– О, птичка моя, тебе ещё работать и работать.

– Я работаю.

Он продолжал буравить Ингу взглядом, прищуриваясь и словно просчитывая что-то про себя. Посмотрел ей за спину, и она догадалась, что он переглянулся с барменом.

– Поможете мне? – Она сделала шаг навстречу и почти уткнулась носом ему в куртку. – Мне очень нужно. Эвелина не отвечает на сообщения, я не знаю, к кому обратиться.

– Конечно. – Он криво улыбнулся и отступил. – Давай код, проверю по базе.

– Эвелина изменила мой код, я жду от неё новый.

Безмернов поднял брови и что-то быстро и неразборчиво переспросил; она уловила только «ник». Внезапно глаза его расширились, он посмотрел влево и опять на Ингу.

– Этот парень с вами... – прокричал он.

– Какой?

Безмернов резко выпрямился, выбросил руку вверх, и тотчас же их накрыла волна грохота. Музыка, бывшая до того ритмичной, стала вдруг неуправляемой, как лава. Инга инстинктивно закрыла уши руками. Струи плотного дыма заполнили пространство.

Кто-то схватил её за руку – Эдик! Безмернов, глядя на него, быстро отступал в танцующую толпу. Инга бросилась за Иваном, но тут же встала – на несколько секунд погас свет. Первый луч выстрелил с потолка, выхватив аппликацию на спине Безмернова: волк с раскрытой пастью. Спина исчезала в коридоре, ведущем к туалетам.

– За ним! – бешено крикнула она Эдику.

– Я тебя искал! Ты вне зоны доступа уже три часа! – криком на крик отвечал он.

– Проехали! Хочешь помочь – проверь мужской туалет!

Они вбежали в кафельный коридор. Теперь и тут былолюдно: парочки дымили, обнимались и целовались врасос. Остро пахло курительными смесями. Маленький тщедушный вейпер выпустил кривое дымное кольцо. Эдик послушно кинулся к двери с табличкой «М».

Мгновение – и Инга оказалась в конце коридора, на развилке. В тупике направо никого не было. Налево – темнота. Она включила фонарик на телефоне.

– В туалетах Безмернова нет, – её догнал запыхавшийся Эдик. – Думаешь, это я его вспугнул?

– Одну меня он не узнал, а вот увидев нас вдвоём, видимо, вспомнил «Житницу».

Они прошли ещё метров двадцать. Щель у зеркала была намного шире. Инга легко толкнула дверь: не заперта. Приятный мокрый воздух – и наконец-то тишина.

Двор со всех сторон был окружён пятиэтажками.

– Улица Доватора, – прочитал Эдик.

Они обежали здание по кругу: детская площадка, скамейки у подъездов, треугольная клумба. Везде пусто. У главного входа в клуб стояли припаркованные машины и такси.

– Видели парня в горчичной куртке? – бросилась Инга к водителям. – Волк на спине?

– Девушка, – усатый таксист пнул окурок в темноту, – если бы он был за рулём, а я – пассажиром, то, может, я бы и разглядел, что у него там на спине. Ехать куда будем?

Понуро добрались до перекрёстка. В сторону метро двигалась красно-синяя толпа футбольных болельщиков, наполняя улицу свистом и выкриками. Дождь усиливался.

– Смotalся! – Инга со злости пнула скамейку. – Упустили!

Глава 8

– Вы из Москвы, уважаемый? Впервые в нашем городе? Как вам нравится в отеле? – Молодой человек в серой форме с бейжиком «Гранд-Отель Элизиум. Навруз» улыбался во весь рот из-за стойки и не собиравшись никуда торопиться.

– Отлично!

Петряев был готов взорваться от злобы. Его бесило здесь всё: прямые чистые проспекты, отделанные жёлтым орнаментальным камнем дома-дворцы, закрученные северным ветром Хазрив зелёные скульптуры из сосен, влажная жара на улице и ангелочки на потолке. Но особенно его разозлила маленькая табуреточка, заботливо подставленная к высокой кровати, споткнувшись о которую он чуть не навернулся с постели в первое же своё утро в Баку.

«Ладно, иранцы живут себе в посольстве, молятся своим аятоллам. Но даже казахов с туркменами заселили в Four Seasons, в самом козырном месте – с видом на море. Русских же загнали на высылки, в этот обляпанный бахромой допотопный отель! Пять звёзд, как же! Никакого уважения!»

Петряев из принципа уже второй день вызывал казённую машину, чтобы проехать сто метров до конгресс-холла в центре Гейдара Алиева, где проходила межпарламентская конференция стран Каспийского бассейна. Водитель был такой же неторопливый, как и все вокруг, и Петряев с телохранителем каждый раз топтались в ожидании у входа в отель. Раздражение от этого росло и с организаторов конференции перекидывалось на извивы геополитики, местный менталитет и даже на Заху Хадид, которая построила на пустынной возвышенности плавное, как облако, и взмывающее ввысь, как волна, здание без единого угла – в память об отце азербайджанской нации.

«Восточные штучки, автократия, что тут скажешь! И архитектура у них... туда же!»

Но Запад был нынче не в тренде, а потому приходилось оборачиваться на Азию. Вот Петряев и старался «обернуться», но получалось не очень. А тут ещё этот ужин.

Накануне, когда он тихо наливался дармовым виски в фойе конгресс-центра, оперев взгляд в огромный пластиковый абажур, похожий на снятую с гигантского яйца шапочку скорлупы, рядом образовался строгий азербайджанец – чёрный костюм, чёрная рубашка, чёрные блестящие ботинки, иссиня-чёрная аккуратная щетина. Вежливо поздоровался и протянул Петряеву конверт. В конверте было приглашение на матовой бумаге с золотым тиснением:

«Дорогой Валерий Николаевич! – Текст тоже был отпечатан золотом. – Я рад приветствовать Вас на гостеприимной азербайджанской земле. В знак огромного уважения, выполняя обещание, данное во время нашей последней встречи в Москве, имею честь пригласить Вас на дружеский ужин. Ресторан «Караван-сарай», 19:00. Машина будет ждать Вас у отеля в 18:30.

С неизменным уважением,

Ваш Нариман Гулиев».

И от руки чернилами уверенным почерком: «Это лучшая еда в городе!»

Остаток дня Валерий Николаевич ломал голову над тем, кто такой Нариман Гулиев и что всё это означает. Он не мог вспомнить ни одного азербайджанца, с которым виделся в Москве, а уж тем более – какие-то «данные обещания». Петряев до самого вечера не мог для себя решить, надо ли идти на этот ужин, не лучше ли отсидеться в номере, а совсем уж было бы хорошо пораньше вылететь в Москву.

С другой стороны, рассуждал Валерий Николаевич, где бы я был сейчас, если бы не пользовался каждой возможностью, которую даёт жизнь. Решил ехать, но с телохранителем.

Он передел рубашку, подумал, повязывать ли галстук. Не стал. Многовато чести неведомому Нариману. Критически оглядел себя в зеркале. Опять набрал вес, придётся попотеть в спортзале, а то Альбина заведёт свою песню: «Ах, пупсик, ты поправился, милый, тебе это

вредно!» А нечего было жениться на молодой – теперь терпи. Он самодовольно ухмыльнулся. Альбина, конечно, умом особо не блистала, но до чего хороша была бабёнка! Валерий Николаевич пригладил непослушные волосы, они всегда немного стояли торчком, провёл рукой по щеке. Румянец делал его моложе лет на десять, хоть какая-то польза от повышенного давления.

Ресторан был в Старом городе. За пределами Крепости остались модные магазины, рой машин, многоуровневые развязки. Город, построенный на нефти, ради нефти и благодаря нефти. Здесь же был настоящий Восток: улочки, нависающие над тротуарами балконы, минареты, загадочная Девичья башня. Уличные торговцы зазывали покупателей, говор смешивался с шумом фонтанов, на горизонте переливались огнями три небоскрёба – три языка пламени. В воздухе разливался аромат жареного мяса и специй.

– Надеюсь, в этом вашем лучшем ресторане есть кондиционер, – проворчал Петряев.

Он с огромным удовольствием съел бы сейчас жирный беляш – любимую еду со времён полуголодной юности. До сих пор в Москве он иногда просил водителя притормозить около ларька с фастфудом и сгонять за беляшом. После такой трапезы, правда, костюм часто отправлялся в химчистку, а Альбина вызывала Максима Ильича – их личного гастроэнтеролога.

– Сюда, уважаемый. – Открылась тяжёлая двустворчатая дверь, звякнуло чугунное кольцо. – Прошу вас, проходите, пожалуйста.

Во внутреннем дворике под стеклянной крышей прямо из мощённого брусчаткой пола росли деревья. Между ними стояли, сидели за столиками, неторопливо двигались, как фигурки по шахматному полю, строго одетые люди.

«Ну и который тут Нариман? Господи, да любой!» Он всё же надеялся, что как только увидит господина Гулиева, тут же его вспомнит. Но вокруг не было ни одного знакомого лица.

– Валерий-муэллим! Рад тебя видеть! – К нему шёл невысокий полный мужчина в светло-сером костюме. Белая рубашка слегка топорщилась на животе, волосы были тщательно зачёсаны назад, губы улыбались, но глаза оставались бесстрастными.

– Нариман, дорогой! – Валерий Николаевич протянул было руку, но Нариман не обратил на неё внимания, шагнул вперёд и так радостно обнял гостя, поцеловав в обе щёки, что Петряев слегка оторопел.

«Дни азербайджанской культуры? День Каспия?»

– Красиво здесь, прямо как на картинке. – Петряев повёл рукой в сторону фиговых деревьев, стараясь вежливо высвободиться из объятий. – А город-то как хорош! А?

– Первая леди и наш президент любят Баку, как и его великий отец Гейдар Алиев. Всё делают, чтобы людям было красиво. Но я тебе скажу, что и москвичам повезло. – Нариман продолжал говорить, увлекая Петряева к дальнему из закутков-кабинетов. – Как я люблю Москву! Жаль только, как ни приеду, снег. Зато какая жизнь, какое искусство! Музыка, живопись, выставки! А театр?

Мимо прошёл официант, неся на вытянутых руках огромный садж с кипящим в раскалённом масле мясом, нарубленной картошкой, золотистыми баклажанами и сморщенными, с подгорелыми бочками зелёными жгучими перцами. От подноса струился лёгкий ароматный дымок.

– Мы с тобой, Валерий-муэллим, никуда не торопимся, да? Дела делами, а хороший ужин требует времени и уважения. – Нариман говорил почти без акцента, лишь интонационно фразы в конце предложения завивались вверх. – Спешка, она, дорогой, от шайтана.

Они прошли под арочный свод в небольшой портик. Три чернобородых охранника Наримана остались снаружи, за ближайшими столами в общем зале.

– Мангуст, ты здесь, – отрезал Петряев.

Телохранитель огляделся и встал за колонной.

– Располагайся, дорогой, – сказал Нариман, продолжая улыбаться. – Баку, Валерий, маленький город. Здесь положено всё про всех знать. Да и нам ни к чему прятаться.

«Наблюдательный, гад», – подумал Петряев.

Не успели они сесть, как неслышно вошёл официант, и на стол с подноса перекочевали закуски: фаршированные перцы, сыры с капельками росы, алые помидоры, голенькие огурчики, кутабы с тыквой и мясом, чурек, продолговатая тарелка с оливками, маринованными корнишонами и грибами. Как по волшебству, на столе материализовался запотевший графин с водкой.

«Похоже, впервые в этом городе я нормально поем. К тому же как гость».

Странно, но это приятное чувство – радость поесть на халяву – никак не зависело от количества денег на карточке.

– Да, Нариман, хороший стол. Прямо пир! Я не знаю, смогу ли я так же тебе ответить...

– Э, дорогой! Ни полный стол яств, ни краюшка хлеба в долг не бывают. Это дар, Валерий-муэллим, воистину Аллах подсчитывает всякую вещь. Ну, давай выпьем за встречу, и, как у вас говорят, аминь.

Петряев густо присыпал кутаб неведомой бордовой приправой и заел им рюмку водки.

– Главный долг у нас перед родиной, – продолжал Нариман, неторопливо гоня вилкой по тарелке маслянистую оливку. – Ты ведь из Казани?

«Откуда знает? А я даже не могу вспомнить, где мы познакомились! День независимости? Конвенция по разграничению Каспийской акватории? Нет, это в августе было, а он про снег что-то говорил».

– Увы, только наездами, навещаю, так сказать, родные места, – ответил он.

– Так это счастье! А я вот не могу доставить себе такой радости – посетить могилы предков.

Нариман замолк, пока официант подавал на стол новую порцию блюд.

– Нет ничего важнее родной земли, – опять заговорил Нариман. – Попробуй долму, дорогой. Это не простая долма. Она не в виноградных, а в липовых листьях. Тает во рту, и к ней обязательно возьми катык с чесноком. Мои славные предки родились в прекрасном краю. «Кара Баг» – в переводе с тюркского «Чёрный сад». Особое место для меня и для всего моего народа. Место, где рождаются поэты и музыканты. Наша маленькая Швейцария, э, что говорить!

«Да понял уже, не тупой! Значит, ты из Шуши или Степанакерта, из Нагорного Карабаха, или, как там его, Арцах. Стоп, или так армяне его называют? Вот дьявол, ляпну армянское название – неловко получится».

– Давай, что ли, Нариман, за родителей! Перед ними-то мы точно в долгу!

Молча выпили.

– А скажи, Нариман, дорогой, почему ты называешь меня «муэллим»? Это что значит?

Петряев подцепил вилкой последнюю долму, обмакнул в соус и отправил в рот. «Презентация Транскаспийского трубопровода? Газпром?»

– Это слово по-азербайджански значит учитель, или даже больше – наставник.

– Ага, типа сенсей! – Петряев почувствовал лёгкость в голове, начала действовать водка.

– Ну, можно и так сказать, но когда я говорю «муэллим» – это значит, что я учусь у тебя – тому, что ты умеешь. А ты – у меня. – Нариман откинулся на спинку стула, пока официант ставил на стол фарфоровую кастрюлю с дымящимся бульоном, в котором плавали крошечные, с ноготь, пельмешки. – А вот этому, дорогой, мы с тобой никогда не научимся! Посмотри на дюшбара. Это произведение искусства. Только женские руки могут изготовить такое, понимаешь? У хорошей хозяйки вот таких дюшбара должно умещаться на обычной ложке не меньше двенадцати штук. Весь фокус в точных пропорциях мяса и теста. – Нариман зачмокал. – Чувствуешь, да?

– Ну, тогда за женщин!

– Э-э, всему своё время, – подмигнул собеседник. – Когда-то мы могли иметь по четыре жены. Но если одна жена доставляет радость, как четыре, то зачем тратиться на остальных? Я

расскажу тебе историю, Валерий-муэллим. В одном ущелье между двумя склонами протекала река. На этих склонах стояли две башни – в них жили два князя. Они враждовали между собой. Как-то один из князей отправился на охоту, а другой захватил в это время его жену и детей и заперся в своей башне. Возвратился князь с охоты и узнал, что его недруг украл у него жену и детей. Долго сидел он у окна в башне и горевал по своей семье. А князь-похититель с издёвкой кричал ему:

– Ты, кажется, грустишь по своей семье? Нужна ли она тебе?

Тогда несчастный князь взял нитку и измерил ею точное расстояние от своей башни до башни врага. Он отправился в лес и, установив мишень на самом старом дереве, упражнялся в стрельбе до тех пор, пока не стал попадать точно в цель.

Пришёл он домой, сел у окна, а рядом поставил ружьё. Вечером снова крикнул недруг из противоположного окна:

– Ты, кажется, грустишь по своей семье, нужна ли она тебе?

В этот момент князь выстрелил из ружья, попал похитителю прямо в рот и убил его. Давай, дорогой, выпьем за семью, за твою прекрасную Альбину и маленького Стёпу. Что может быть лучше такой семьи? И что может быть хуже нажитого злобного врага?

«Не понял. Он что, мне угрожать вздумал? Красиво стелет, да спать в земле придётся. Семью ещё прицепил, ирод».

– Ах, какая история, спасибо тебе, Нариман-муэллим, рассказываешь, как поёшь! – в тон собеседнику расслабленно ответил Петряев. Но улыбки уже не было, глаза смотрели жёстко и холодно.

Принесли плов. Официант положил на тарелку бело-жёлтый рис, рядом – дымящиеся кусочки баранины, отдельной горкой – тушёные каштаны, курагу, инжир, чернослив и орехи. Поставил блюдечко с сумахом. Петряев изрядно осоловел от еды и водки. Но чем шире улыбался Нариман, тем тревожнее становилось на душе у Валерия Николаевича.

В их альков заглянул охранник Наримана. Его лицо как будто нарисовал плакатный художник тремя крупными мазками – узкая чёлка, брови и усы. Охранник склонился к Нариману и что-то сказал ему по-азербайджански. Во рту блеснул золотой зуб. Нариман довольно кивнул.

– Небольшой, но приятный сюрприз будет тебя ожидать, дорогой друг. Нет-нет, не благодари! – Нариман предупреждающе взмахнул рукой, хотя Петряев и не думал благодарить. – Это наша традиция – делать гостю подарок. Я ведь вырос здесь, внутри крепостной стены. В моём детстве этот район был как маленькая Сицилия. И если за стеной у людей мысли были о деньгах, то здесь, – Нариман сделал рукой резкий выпад, – все думали только о чести! Сосед моего дяди однажды посмел обмануть местного аксакала. И тогда к нему пришли и сказали: ты лучше не выходи из дома, Саид. Если ты выйдешь из дома, ты можешь потерять дорогу и не вернуться назад. И тогда дорога приведёт тебя к твоим праотцам. Вот так они ему сказали. И знаешь, что я думаю? Я думаю, что это было справедливо. Это было по чести. Никогда нельзя прощать обмана и вероломства. Вот что я думаю.

«Что же ты мне предложишь при таком базаре? Конечно, чем выше ставки, тем больше навар. А судя по угрозам, навар нешуточный. Поел, называется. Как бы мне колом не встал этот вечер фольклора!»

– За честь! – Петряев махнул рюмку водки, смешал рис с фруктами, положил сверху половинку каштана. Вкуса не почувствовал.

Наконец, подали чай. Теперь стол был заставлен вареньями: из фейхоа, арбуза, инжира, зелёных грецких орехов, даже из баклажанов. Официант налил ароматный чай в армуды.

– Существует легенда, – Нариман осторожно отхлебнул горячий напиток, – что армуды были созданы как символ совершенной любви, а любовь похожа на красоту цветов. Поэтому армуды напоминают бутон тюльпана. Цветы – создания прекрасные и хрупкие. Им нужна

защита. Защита сильных мужчин, воинов. Мы всегда любили женщин, родину и войну. И ты удивишься, дорогой Валерий-муэллим, если узнаешь, что тебе выпала честь помочь моему народу.

– Слушаю тебя внимательно, Нариман.

«Наконец-то дошло до дела». Петряев отставил в сторону стакан с чаем и выпрямился.

– Вот ты спросил, как мои дела?

«Ничего я не спрашивал!»

– Так я тебе прямо скажу как другу – дела идут хорошо! Но душа болит! Видел камень, которым весь город облицован? Это наш гюльбах, известняк-ракушечник по-научному. Я его с гор поставлю в Баку. А места там... Война шла. Да и сейчас идёт. Хотя о ней все в мире позабыли. Железа много и с той и с другой стороны, к тому же там старые советские склады остались.

Петряев заметил, что певучий акцент Наримана пропал – теперь он говорил ровно, правильно строя фразы и не растягивая слова.

– Скажем так, Аллаху было угодно, чтобы я стал владельцем одного такого большого неучтённого склада. – Нариман сделал паузу, и Петряев кивнул; речь шла об оружии. – Наше государство очень хорошо охраняет эти склады. Полагаю, у тебя есть кому предложить эти... запасы. Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты как раз интересовался чем-то подобным. – Нариман замолчал и впервые за весь вечер приготовился слушать.

– А как же, дорогой Нариман, родина? Чем вы будете её защищать? Не пойму я тебя.

– Чем защищать родину, – Нариман улыбнулся одними губами, – это мы сами решим. Купим новое, современное, хоть у вас, хоть у американцев, хоть у израильтян, рынок везде есть. А старое пусть возвращается туда, откуда пришло. У вас, я слышал, тоже есть любители повоевать... Кто это сказал про «спор славян между собою»? Пушкин? Так вот им в самый раз будет.

– А вот интересно, – Петряев прищурился, – помнится мне, что было всё уничтожено, взорвано, президент ваш приезжал, руки жал перед послами, гимн играли, парад провели. Что, братцы, надули международное сообщество?

Нариман улыбнулся в ответ.

– Я сказал тебе самую правду – так было угодно Аллаху. Вот и подумай, где Аллах и где международное сообщество. Разные весовые категории, да?

– У вас, я смотрю, тоже проблемы с коррупцией. – Петряев старательно изобразил сочувствие и показал глазами на потолок. – Только уже совсем наверху, выше некуда.

– О, дорогой! У нас как раз нет проблем с коррупцией. Мы, бакинцы, – народ, который умеет договариваться. Мы с самим шайтаном сможем сторговаться. А что такое коррупция, если не умение договариваться? Я тебе больше скажу, уважаемый, – Нариман доверительно склонился к Петряеву. – Бороться в Баку с коррупцией безнравственно.

Петряев откинулся на спинку диванчика. «Само в руки прёт! И как вовремя!» Он потёр подушечки пальцев. Давно заметил – когда под ногтями начинают колоть маленькие иголочки – это к большим деньгам. Но здесь главным была не сиюминутная выгода, а пер-спек-ти-ва! Последние десять лет Петряев искал выходы на частные военные компании. Но пробиться через силовиков оказалось нереально – всё было расписано по своим. Контракты на поставки таблеток с ним охотно подписывали, куда денутся, но дальше этого порога не пускали. А сейчас, он это знал наверняка, у них начались перебои с оружием, и если подсуетиться, добыть большую партию, где надо подмазать, то дверца и приоткроется. А ногу он вставит, уж будьте спокойны, они и опомниться не успеют, как окажутся под ним.

– Товар не устарел? – спросил.

– Обижаешь, уважаемый! Никто в руки не брал. Всё новое, в заводской смазке.

– Логистика? Граница?

– Валерий, дорогой, ты же депутат, по стране ездишь, да? В Оренбурге бывал? Скажи, ты там границу видел? Ну хоть такусенькую? – Нариман щёлкнул большим пальцем по кончику мизинца. – Договоримся, я же сказал. Каспийское братство в действии.

– Верю. Ценообразование как будем обсуждать? Раз советское – значит, со скидкой, – утвердительно спросил Валерий Николаевич.

– А давай не будем! Не о том всё это. Поверь мне, не одними деньгами мы родину защищаем. У каждого есть что-то, чего нет ни у кого другого. Знаю, что у тебя один, скажем так, умелец варит хитрую химическую формулу. Не переживай, на саму формулу не претендуем – что ваше, то ваше. А вот продукт нам очень интересен.

– В каком объёме?

– В самом большом и бесперебойном. А там, глядишь, ещё какой забытый Аллахом склад найдётся. Горы – они, Валера, как ваша тундра, бескрайние.

Замолчали. Петряев положил в тарелку засахаренный шарик молодого грецкого ореха, разделил его на две половинки, накрыл сверху кусочком сладкого баклажана, аккуратно слизнул с ложки и стал медленно жевать.

– Я так скажу: вкусный ужин был, спасибо. И разговор, мне кажется, у нас сложился.

– Теперь главное, дорогой Валерий, чтобы ты со своим партнёром договорился. Как ты понимаешь, я сам не могу к нему обратиться. Справишься? – Лунообразные брови Наримана поднялись вверх.

«Ну ещё бы. К Арегу тебе не подкатить, орёл горный!»

– Улажу, – обрубил Валерий Николаевич.

– Я всегда знал, кто у вас главный. – Нариман сложил перед собой руки. – Но сам понимаешь, подстраховаться надо. Теперь главное, дорогой Валерий, чтобы ты выполнил все свои обещания. А иначе...

– По закону гор?

– Мы тебе доверяем, дорогой. – Нариман сложил перед собой руки. – Но, как гласит мудрое правило: перед тем, как поручить верблюда покровительству Аллаха, покрепче привяжи животное к забору.

Всю обратную дорогу Петряев думал. Дело получалось выгодным и очень своевременным. Погружённый в мысли, он вошел в номер, поэтому не сразу заметил, что там кто-то есть. Петряев испуганно замер, сделал осторожный шаг и увидел в матовом квадратном окне, которое разделяло спальню и ванную, тонкий силуэт. Сглотнул и судорожно выдохнул.

– Сюда иди! – властно крикнул Валерий Николаевич.

Из ванной вышла девушка. Она смотрела в пол, в руках несла тазик с водой. Петряев ухмыльнулся.

«Сюрприз, говоришь!»

– Зовут как?

– Сона, – прошептала девушка, не поднимая головы.

– Ну давай, что ты там умеешь.

Он скинул пиджак, уселся в кресло, снял часы.

Девушка поставила табуреточку у кресла, опустилась на колени, сняла ботинки, плавно стянула носки, опустила его ноги в тёплую воду, начала массировать ступни. Петряев даже закричал от удовольствия.

– А вы понимаете кое-что в колбасных обрезках, ничего не скажешь.

Он подумал, что его Альбина никогда бы не стала так делать. «Всё дело в восточной культуре, вот как надо воспитывать женщин! К херам Запад с их говённым равноправием!»

Валерий Николаевич наклонился и резко за подбородок поднял лицо девушки. Она тут же опустила глаза. Тогда он взял её за волосы, потянул к себе и ткнул между ног.

– Работай, – сказал тихо.

Он смотрел, как ритмично двигается голова, время от времени клал широкую ладонь на затылок, с силой надавливал. Валерий Николаевич поднялся, перевернул Сону на живот, завёл ей руки за спину так, чтобы она не могла пошевелиться.

«Вся ночь, – думал Петряев. – Вся ночь. Вся ночь».

Он понял, что не сможет остановиться.

Глава 9

Женщин, с которыми имеет дело Хозяин, я обыскиваю тщательно. Ножик складной можно легко спрятать в одежде или под видом духов принести токсичную смесь. У меня нюх на такие вещи. Случайных к нему не подпускаю, об этом и разговора нет, а по клубам ездим только по проверенным. И всё равно женщины – зона риска. Хозяину иной раз такое в голову взбредёт...

Но эта, слава богу, оказалась чистая. Не люблю я такие сюрпризы. Сколько ж ей лет-то? Блин, ну и порядки у них тут. А вообще Баку мне нравится: просторный город, светлый.

Я спустился на первый этаж гостиницы, не сидеть же под дверью. Подкатил большой автобус, из него высыпали китайцы с сумочками, облепили стойку регистрации – очередь это у них называется. Смешные. Да мне чего-то не до смеха. Всякий раз, как их вижу, брата вспоминаю.

Виталья вернулся домой утром, когда батя на смену ушёл. И конечно, первым делом: «Где лопатник?» Я к мешку. А ну как нету? Так сердце и захолонуло. Прибьёт же меня. Нет, тут он. Я со страху глубоко запрятал. «Виталь, где подрезал-то?» – «Где, где, у китайцев! Пока ты по перрону ошивался, я к ним в вагон – с понтом я семки продаю. А вагон полупустой, они все повыскачили, ноги размять, я по курткам, вот надыбал чё, вишь? Думал, быстро сигану под товарняк, так и смоюсь с вокзала. А этот гад дёрнулся, меня и зажало».

Он по жизни такой был: когда надо судьбу за хер дёрнуть – Виталья первый.

Чего там только не было, в том портмоне! Фотка мелких – дети, как матрёшки, одинаковые и все бритые, штук восемь. Вонючие сладкие порошки, свёрнутые, как в аптеке, – наркота наверное, но мы побрезговали. Мятые записки с иероглифами и цифрами, несколько пластмассовых карточек с эмблемами, до фи́га монет, и наших, и ихних.

Не было только одного – нормальных бумажных денег. Вернее, было три купюры, но какие-то странные. Дяхон на них в квадратной плоской шапке с бородой и надписи на английском и китайском. Мы на просвет глянули – лажа какая-то, а не деньги, водяных знаков нет. Да и чего делать с ними? У нас в обменнике только зелень берут. Позвали Димастого. Тот глаза вытаращил: где взяли? Оказалось, это деньги мертвецов – китайцы ими дорогу перед покойником стелют, чтоб ему, значит, на том свете полегче было, чтоб не побирался. Вот, блин, судьба у них – даже после смерти расслабиться не дадут, и тут, и там надо при бабках быть.

Виталья выругался: «Из-за этой шняги сам чуть не прижмурился». Сожгли мы их сразу, ну нафиг эту заразу дома держать. Знать бы тогда, как нам это вылезет. Димон, падла, подставил. Вольные мы были, но оказалось, что до поры до времени. Виталья тогда ни за кого не ходил, а тут пришлось.

Наш дом стоял на перекрёстке Строительной и Красногвардейской. Красногвардейка относилась к Соцгороду, у них своя группировочка была – социки. Ходили обычно с пятницы по воскресенье, за границу своего района не совались. Человек пятнадцать. Блатных над ними не было, нищий район, что с них взять. Крупных дел не затевали, стремились. Так, начистят лицо одному-второму фраеру – и по домам. Виталья дружил с социками, у них без обязательств: пришёл, ушёл, можешь ни в чём не участвовать.

Строительная – другое дело, крайняя центральная улица, а весь центр был в жёсткой разработке у блатных. Центровые собирались каждый день – в натуре организация! Их отряды патрулями ходили по районам. У этих уже были заточки и кастеты, и они схлёстывались с Лаком за влияние в городе. Лаковые, все как один нюхачи, контролировали юго-запад, престижный микрорайон лакокрасочного завода. Завод дышал на ладан, но всё равно работать там было круто: платили тыщ по пять, и выносить можно было вёдрами. Всё, что тащили с завода, шло на ура: ацетон, растворители. Из них умельцы делали такие смеси, что крышу сносило

даже у самых крепких. Глюк-продакшн их называли, по типу как американские кинокомпании. Лаковые считались у нас интеллигентами, в основном за то, что слушали западную музыку и их предводитель, Роцца, был сыном заводского инженера. Центровые подчинялись Зубу, тот имел одну ходку по малолетке и одну после восемнадцати. Зуб держал кассу, ему отстёгивали все палатки в центре.

Конфликт разгорелся из-за того, что лаковые палатки отказались платить центру. Роцца взял их под защиту. Зуб с пацанами долго разбираться не стал, разнёс к херам их видеосалон. Ну и пошла война. Лаку нужны были силы, один из них приходил к нам во двор, звал Витальку ходить за Лак. Приняли его там нехорошо, брат послал их подалее и с тех пор обходил нюхачей стороной. «Я к Зубу летом пойду, он знает, как жить. И ты со мной, понял?» – говорил он мне.

Но вышло так, что к Зубу пришлось идти гораздо раньше. Через три дня после того, как мы спалили эти адовы деньги, является к нам во двор Домушник, смотрящий от Зуба. Скелет, непонятно, в чём душа держится, и голова вся в проплешинах. «Кто на вокзале китайца подрезал? Забыли, чья земля железка?» Это правда: вокзал считался заповедной территорией, работать там могли только Зуб и его братва. Поезда они обчищали по наводке, самодеятельность карали. Димон нас сдал, это факт, я потом узнал, что он давно под Зубом ходил. Витальке поставили условие: вернуть то, что взял, немедленно. Деньги спалил? А чем докажешь, что не настоящие?

Жечь деньги – против законов братвы, и мы это, конечно, знали. Виталька вернулся от Зуба серый, как пепел. Что с ним там было, я не знаю, и он никогда не говорил, но давили неслабо.

На другое утро говорит мне: «Идём сегодня на Лак, хату одну почистим, будешь на шухере стоять».

Приходим к двухэтажке музейного вида, с белыми балконами. «Без отмычки обойдёмся, вон ветка на балкон свешивается». Позвонили в дверь сначала – вроде никого дома нет. Вскрабкались на старую грушу, Виталька спустился с неё на балкон, открыл стеклянную дверь. Я притих в ветках, наблюдаю. Не прошло и минуты, как он выскакивает оттуда как подорванный, в руках красная бабская сумка, и сигает не глядя с балкона прямо на землю. А из-за разохшейся балконной двери выходит... наш батя! В трусах, накинутой рубашке и сигарету мнёт в пальцах. Я так и притух. Сижу ни жив ни мёртв. Хорошо, лето – в листьях не видно. Да он и не озирался по сторонам. Выкурил в три затяжки, сплюнул и обратно ушёл. Но эти минуты лицо у него такое было – гладкое, ненасупленное, без характера. Будто взял кто и стёр ему все мысли. Или душу на две минуты вынул, чтоб протрясти или просушить. Я таким батю ни разу не видел, даже во сне. Не мой он был в тот момент, не наш, не мамкин и не свой собственный, а чей-то. Я бы дорого дал, чтобы узнать, чей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.